

АНОМАЛЫ

ЗОНА ТАЙНЫ

Андрей ЛЕВИЦКИЙ

ВЫБОРЫ: За кого ты голосуешь на самом деле?

Зона тайны

Андрей Левицкий

Аномалы. Тайная книга

«Автор»

2012

Левицкий А. Ю.

Аномалы. Тайная книга / А. Ю. Левицкий — «Автор»,
2012 — (Зона тайны)

Что бы ни утверждала наука, на Земле еще происходят необъяснимые события. Несколько молодых людей попадают в одну из аномальных зон — и в результате невероятного происшествия становятся... не совсем людьми. Кем-то более сильным и опасным, странным и чуждым. Они превращаются в аномалов. Герои хотели бы забыть обо всем, вернуться к обычной жизни, но теперь это невозможно. Сразу несколько сил заинтересовались ими. Тех сил, о которых не пишут в газетах и не рассказывают по телевидению. Аномалам приходится вступить в схватку с правительственной спецслужбой, а еще им объявляет войну Пси-Фронт — тайная секта охотников за чужими. Теперь героям надо не только выжить. Необходимо понять главное: кто командует врагами, кто эти темные Кукловоды, которые стоят за всем происходящим?

© Левицкий А. Ю., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Пролог: событие	6
Часть первая	12
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	31
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Левицкий

Аномалы. Тайная книга

Есть ряд явлений, правда, в большинстве случаев кажущихся сомнительными. Они говорят нам о проникновении каких-то разумных сил в наш мозг и вмешательстве их в человеческие дела. Я сам два раза в жизни был свидетелем таких явлений и потому не могу их отрицать.
К.Э. Циолковский

В начале двадцатого столетия американец Чарльз Форт (англ. Charles Hoy Fort, 1874–1932(?), Нью-Йорк) унаследовал бизнес дяди, ликвидировал его и получил достаточно средств, чтобы предаться любимому занятию, а именно – просмотру подшивок всех научных и научно-популярных изданий на английском языке в поисках фактов, необъяснимых с точки зрения науки. На протяжении тридцати лет Форт составлял картотеку необъяснимых случаев и написал несколько романов, в том числе и знаменитую «Книгу проклятых». Чарльз Форт считается основателем уфологии. Его последователи, среди которых был классик американской литературы Теодор Драйзер, уверены, что в конце жизни Форт сумел раскрыть тайну, стоявшую за большинством аномальных событий, происходящих на Земле. Он изложил свое открытие в рукописи под названием «Тайная книга», но прежде чем сумел обнародовать ее, был убит – облучён, в результате чего скончался от лейкемии. «Тайная книга» была утеряна или похищена.

А может, ее постигла иная участь? И что же в действительности произошло с самим Чарльзом Фортом?

Пролог: событие

11 сентября, Карелия, Ладожское озеро

Объезжая ствол упавшей сосны, Стас сказал:

– А я уверен, осталось много тайн, разгадки которых люди не знают. Много всяких странных событий, катастроф, мест... Вот, например, это называют Косой Смерти. Как вы думаете – почему?

Дорога шла через ельник, которым заросла длинная коса, на несколько километров выступающая в озеро. Древний рассыпающийся микроавтобус, который Стас одолжил у московского приятеля по прозвищу Делон, хрипло порывкивал мотором. Заднюю часть салона занимали рюкзаки, палатки и спальники, а за водителем сидели шестеро молодых людей – три парня и три девушки. Всем им было немного за двадцать.

– Ну и почему? – спросил Артур, начавший этот спор. Он был реалистом и не верил ни в какую «мистику»... Стас, впрочем, тоже не верил – просто допускал, что в мире существуют пока еще не объяснимые наукой явления.

Он стал пояснять:

– На этой косе исчезали и гибли люди, причем при странных обстоятельствах. Местные тут боятся ночевать, рыбаки или охотники никогда не останавливаются.

– Тогда зачем ты нас именно сюда повез? – подала голос Алена.

Она сидела в первом ряду позади водителя, возле окна, и вся будто золотилась в косых солнечных лучах – русые волосы, серые глаза и белая кожа, пышные светлые ресницы, веснушки... Лицо, как всегда, немного сонное, не от мира сего, на полных губах мягкая улыбка. В интернате Алену так и называли – Золотистая.

– Необычное место, к тому же тихое, здесь никогда никого не бывает. – Стас умолк, заметив между деревьями у дороги человека: высокого, очень худого, в длинном глухом плаще. На голову наброшен брезентовый капюшон, лицо узкое и какое-то серое, нездоровое. Незнакомец стоял, привалившись плечом к сосне, и внимательно глядел на микроавтобус. В одной руке он держал сучковатую палку, в другой – раскладной нож, на спине висел рюкзак.

– Никогда никого не бывает? – хохотнул Мишка.

Толстый Мишка развалился между Аленой и Яной. На поясе его висел медальон: металлическое кольцо, а в нем стрелка наискось вверх – это был секретный знак их компании, который они, еще в интернате, рисовали на асфальте и стенах, обозначая тайное место встречи. На цепочке, прицепленной к ремню, болтался перочинный ножик, Мишка то и дело его теребил, вертел между пальцев, извлекал лезвие и снова защелкивал. Круглая розовощекая физиономия толстяка лучилась здоровьем, весельем и любопытством.

Серолицый у обочины медленно поворачивал голову, наблюдая за микроавтобусом. За спиной Стаса раздался звонкий голос Яны:

– Может, его подвезти?

– Он бы голосовал, если бы ему надо было, – возразил Стас.

Когда они проезжали мимо, незнакомец сделал движение к машине, поднимая палку, будто хотел остановить их, но сразу подался назад. Стас, уже почти вдавивший педаль, все же не стал тормозить – ему не понравился взгляд мужчины, глаза как-то подозрительно блестели.

– Так что там насчет Косы Смерти? – напомнил Артур, поправляя очки в тонкой оправе, и указательным пальцем отвел со лба длинные светлые волосы.

Он сидел во втором ряду вместе с Ксюхой, которая, как всегда, мяла сильными пальцами резиновый эспандер. На шее у Ксюхи висел серебряный крестик, который не очень-то вязался со спортивным костюмом и кроссовками «наик».

– Еще до революции здесь стоял небольшой монастырь, – принялся рассказывать Стас, внимательно глядя на дорогу. – И как-то ночью из него исчезли монахи. В Интернете я читал копии полицейских донесений, за 1910 год, кажется. Протокол осмотра места и так далее... В общем, монахов было девять, они жили рыбной ловлей, собирали ягоды, грибы. И вдруг исчезли. Монастырь стоял где-то в двух-трех километрах дальше по косе. Говорят, остатки фундамента видны до сих пор, хотя то место совсем заросло, все-таки лет сто прошло.

– Рыбу ловили? – спросил Артур многозначительно.

– Точно! – подхватил Мишка и в такт словам защелкал ножиком. – Монахи твои, может, на рыбалку ночную поплыли, лодки перевернулись, они и утонули.

– Не-ет... – протянул Стас. – По свидетельству допрошенных крестьян из ближайшей деревни у монахов было всего две лодки. И обе остались на берегу.

Микроавтобус закачался на крупных корнях, торчащих из твердой, усыпанной сухими иглами земли, и Стас сосредоточился на управлении.

– Давай, Капитан, трави байку! – крикнул Мишка.

Услышав свое старое, еще интернатское прозвище, Стас улыбнулся. Так его называли, потому что он был заводилой в их компании, всегда всех тянул куда-то, то в ночной поход на чердак интернатского здания, то на заброшенную стройку...

В зеркале заднего вида отражался весь салон. Вот они: Алена, Мишка, Яна, за ними Артур с Ксюхой, а еще дальше Борис, сидящий отдельно от всех. С начала поездки он не сказал ни слова – молчун, что с него возьмешь.

Семерых закадычных друзей после интерната судьба разбросала по СНГ, но они по-прежнему раз в год собирались вместе. Стас теперь работал в турфирме, возил туристов на Байкал и за Урал примерно на таком вот микроавтобусе, как взял сейчас в аренду, только раз в десять новее и в сто дороже... Все как-то устроились в жизни, кто лучше, кто хуже, кто далеко от Москвы, кто в ней, – но это пока не мешало их ежегодным встречам.

– Ты давай дальше про монахов, – звонкий голос Яны вернул его из воспоминаний.

– Так вот, монахи с этой косы просто исчезли. Тел не нашли. Никаких намеков на то, что произошло, вообще ничего. Были девять здоровых мужиков – и не стало. Ну и всё, больше ничего не выяснили. Такое вот событие.

– А группа Токарева? – спросил Борис, и Стас едва не вздрогнул, услышав его спокойный глуховатый голос впервые с начала поездки. Интересный человек Боря... Совсем не такая судьба, как у интеллектуала Артура, а ведь они братья, пусть и сводные, от разных матерей.

– Ты про нее знаешь? Ну так сам и расскажи.

Все притихли, ожидая ответа. Борис говорил редко, и любые его слова казались вескими, значительными. Мишка даже развернулся к нему, прижав Алену к борту автобуса. Яна или Ксюха уже давно пихнули бы толстяка локтем в бок, а то и прикрикнули бы, чтоб отодвинулся, но Алена лишь улыбалась, немного напряженно – вряд ли из-за Мишки, скорее уж из-за зловещего рассказа Стаса.

– Кажется, группа состояла из семерых? – уточнил Борис. – Нас столько же. В общем, рассказывай сам.

Они с Артуром были совсем не похожи. Боря – брюнет, Артур – блондин. Боря коренастый, плотный, коротко стриженный, насупленный, говорит глухо. Артур худой, изящный, волосы носит длинные, говорит певуче и часто улыбается. Артур – серьезный программист. Боря – начальник охраны в супермаркете. Отец их, крупный бизнесмен, разводился трижды и двух своих сыновей отдал в дорогой московский интернат. А вот родители Стаса разбились на самолете, летевшем рейсом Бангкок – Москва, его обучение в интернате оплачивал дядя. У каждого из находящихся в машине была своя история...

– Так что там насчет группы Токарева? – спросил Мишка с энтузиазмом. – Еще одно офигенно жуткое событие, и произошло оно прямо здесь, на косе, по которой мы едем, так, Капитан? Ты ж шепутной, вечно нас во всякие такие места тянешь.

– Это ты у нас шепутной, – возразил Артур. – Помолчи, дай Стасу рассказать.

Миша смолк – Артура он уважал, тот был чуть ли не единственным человеком, способным унять болтливость толстяка.

– Рассказывай уже, – бросила Ксюха, продолжая мять эспандер.

Она, как и Боря, редко открывала рот. И сейчас заговорила только чтоб поддержать Артура... да и села она с ним рядом по своей инициативе, это Стас четко просек, когда устраивались в машине. Выходит, Ксюха до сих пор к Артуру неровно дышит? Ведь так мучилась перед выпуском... Интеллигентный, мягкий Артур мог быть с людьми иногда слишком, на взгляд Стаса, жестким – и робкую девичью любовь Ксюхи отверг с ходу, не раздумывая.

– Капитан, ну! – прикрикнул Мишка.

– Я рассказываю, рассказываю. – Стас вел микроавтобус по обочине, чтобы объехать глубокую яму посреди дороги. – В общем, второе событие произошло в шестьдесят первом году. Токареву был двадцать один год, остальным по девятнадцать-двадцать, три девчонки, три парня. Все – студенты из Ленинграда. На лыжах, зимой, недельный поход. Должны были заночевать на этой косе, утром идти по льду через озеро, потом – до Олонца, оттуда дать телеграмму начальнику своего туристического кружка... но телеграмма не пришла. Через два дня их начали искать, ну и нашли палатку на конце этой косы.

Дорога круто повернула, и Стас навалился на руль.

– Палатка в двух местах была распорота, вещи разбросаны, тел нет. Начали искать. Мороз и сильный ветер затрудняли поиски... Первыми отыскивали Токарева и одну девушку, не помню, как звать. Они лежали возле небольшого кострища, в двухстах метрах от палатки, Токарев прямо головой в нем, обгоревший, девушка рядом. Потом – еще двух парней. В подробности вдаваться не буду, в общем, они замерзли, но на телах были необычные раны. Определили, что один из них, Павел Дюганов, залез на дерево, свалился...

– На какое дерево? – перебила сообразительная Яна.

– То-то и оно – на сосну. Тут везде сосны.

– Но там же...

– Да, в нижней части ветки не растут. А была зима, ночью мороз около тридцати, руки у Дюганова наверняка задубели. Но исхитрился залезть на эту сосну – какая сила его заставила? Ну вот, а дальше... – Стас замолчал, привстав на сиденье, когда между деревьями слева мелькнуло синее. – О, подъезжаем! У основания коса шириной в пару километров, а тут, видите, сузилась, теперь метров сто, не больше. Значит, скоро остановка.

– А где палатка той группы стояла? – с подозрением осведомился Мишка, все щелкающий своим ножиком. – Небось на том месте, куда едем? Колись, Капитан! Ты не мог пройти мимо такой возможности!

– На том, – кивнул Стас. – Хотя точно я не уверен, но увидим. В Интернете читал протокол с описанием, фотографии видел, надеюсь, узнаю его.

– Ты про остальных членов группы расскажи, – подал голос Артур.

– Да, остальные... В общем, еще двух девушек нашли далеко в стороне, на самом конце косы. Одна лежала головой во льду, лицо прямо в него вмерзло. У нее не было глаз. А другая – еще дальше на льду, в километре. И...

– Постой, почему не было глаз? – перебила Яна, и на этот раз ее голос был не таким звонким.

Стасу ничего не оставалось, как пожать плечами.

– Я не знаю. Читал разные версии, по одной – лед возле берега был тонким, упав, девушка пробила его головой, а потом лежала столько, что вода вымыла глазные яблоки, когда те начали разлагаться. В озере ведь течение есть.

– А по другим версиям? – спросил Мишка.

– Да там бреда много всякого. Это ж Сеть... на такие темы уфологи набегают, конспирологи, всякие эзотерики. Кто-то утверждает, что на основе путаного заключения медэксперта можно решить, что глаза у девушки были выжжены кислотой, другие – что она сама их вырвала.

– И мы едем туда, где это произошло, – заключила Алена.

Голос у нее был совсем тихий, Стас едва разобрал слова сквозь гул мотора.

– Ну да, туда и едем. Это ведь интересно, разве нет? Мишка, сдвинься наконец, ты же ее совсем зажал.

– Ну ты даешь, Капитан! – Мишка отодвинулся. – В такое место старых друзей и подруг привезти!

– А мне интересно! – с вызовом ответила Яна.

Она всегда была отчаянной, всегда бросалась в бой, поддерживала Стаса во всяких авантюрах, лезла за ним хоть на подъемный кран, хоть в подвал брошенного дома...

– Но какие выводы из всего этого сделала милиция? – спросил Артур, поправляя очки. – Заключение следствия?

– Дело закрыли, а в заключении было сказано, что «группа столкнулась с действием непреодолимых природных сил»... Как это перевести на человеческий язык? Я не знаю.

– Но если все из палатки разбежались в разные стороны, значит, их что-то напугало? – принялся вслух размышлять Артур. Он любил строить логические цепочки и на основе их делать выводы – «умозаключать», как иногда с уважительным смешком называл это Мишка. – Если отбросить всякую фантастику, то причина какая? В палатке их что-то напугало.

– Или кто-то, – сухо добавила Ксюха, продолжая сжимать эспандер.

Артур кинул на нее взгляд, помедлил и сказал:

– Имеешь в виду, один из них напал на других?

Ксюха молча глядела в спинку сиденья перед собой. Стас возразил:

– Про это тоже писали. То есть писали, что такого не могло быть. Мол, группа проверенная, ходила в походы уже несколько раз, да и не мог ни один из них так напугать остальных шестерых, чтоб часть выскочила из палатки через выход, а другие схватили ножи и прорезали полотно, да все рванули наружу полуодетые... Кстати, было установлено, что ткань разрезана именно изнутри.

– Но что-то их напугало, такая ведь картина складывается? – напирал Артур.

– Да. Что-то, вдруг появившееся в палатке, или нечто снаружи... Или, может, какое-то излучение? Ультразвук? Еще что-то...

– Маньяк! – заговорщицким шепотом выдал Мишка.

– ...Или снежный человек, палаточный полтергейст, беглый заключенный. Но только все свидетельствовало за то, что источник панического ужаса возник именно внутри палатки, а не снаружи, и они сыпанули от него во все стороны.

– Тогда излучение, – заключил Артур. – Направленное излучение. Инфразвук определенной модуляции вызывает панику, это известно. Они разбежались и, полуголые, на тридцатиградусном морозе, быстро замерзли. Ночь, наверное, еще пурга – все понятно.

– Не все, – коротко бросил Боря.

Сзади воцарилась тишина. Вода озера сквозь деревья была видна все лучше – ширина косы в этом месте едва ли превышала пятьдесят метров, а значит, пора сворачивать к берегу и выгружаться. Дорога исчезла, теперь они ехали между сосен, которые смыкались все теснее. В лесу было сумрачно, а вот на берегу, отсюда хорошо видно, – яркое солнце, волны плещутся о

берег, блики играют на воде, песок золотится... Представляя, как друзья будут ставить палатки, а он в это время запалит костер, Стас сказал:

– Да, не все понятно. Например, совсем неясно, почему в черепе Токарева, командира группы, была трещина от глазницы до виска – простым падением ее не объяснишь. Почему у Любы Коротковой, той, которая осталась без глаз, были вывихнуты четыре пальца правой руки, то есть просто согнуты в другую сторону, а еще – почему в брюшной полости Дюганова нашли...

– Прекрати! – вдруг зло сказала Алена. – Поверни, езжай назад!

Стас бросил на нее взгляд – нет, не злая, она выглядела скорее испуганной.

– Развернись, пожалуйста, – повторила она.

– Зачем, мы ведь...

– Развернись, – угрюмо сказал Боря.

Все сразу зашевелились, Мишка заерзал на сиденье, Яна оглянулась.

– Почему? – спросил Стас. – Зачем разворачиваться?

– Думаешь, это хорошая идея – ночевать в месте, где умерли те монахи, а потом группа Токарева?

– Да по-моему, хорошая, – ответил Стас, начиная злиться.

В конце концов, ну что за чушь! Да, погибли здесь когда-то люди – и что? Не верит же Борис, в самом деле, на полном серьезе во всякую чертовщину. Ладно – Алена, она такая... поэтичная натура, но приземленный реалист Боря почему с ней согласен?

Притормозив, но не заглушив мотор, Стас спросил:

– Вы все не хотите дальше ехать?

– Я – хочу! – отрезала Яна и добавила укоризненно: – Алена, что ты, в самом деле? Борька!

– Это неправильная идея, – повторил тот.

– Что значит «неправильная», брателло? – хмыкнул Мишка, ерзая и щелкая ножиком. – Что ты под этим подразумеваешь? А давайте проголосуем! Кто за то, чтобы валить на фиг с этой косы? Ну, ручки тянем, не стесняемся!

Подняли руки Алена и Борис.

– Та-ак, а кто за то, чтобы разбить тут лагерь?

Мишка вскинул руку первым, потом Стас и Яна... и, помедлив, Артур – и сразу за ним Ксюха.

Еще до того, как сводный брат Бориса проголосовал, Стас, следивший за выражениями лиц сидящих в салоне друзей, понял: Артур будет «за». Просто потому, что Боря – «против». Он не знал, отчего так, но давно заметил – между братьями есть скрытое противостояние. Во всяком случае, со стороны Артура.

– Пятеро – «за», двое – «против»! – провозгласил Мишка. – Аленка, что ты побледнела так? Не нервничай, я тебя защищу от любых посягательств, слышишь? Прикрою своим большим мягким телом, а ты потом сможешь написать романтическую поэму «Баллада о Косе». Нет, не романтическую, а эротическую... Ой!

Здрав брови, толстяк уставился на ножик в своей руке. Осторожно провел по лезвию большим пальцем и недоуменно огляделся.

– Что за черт? Я ж его наточил – он как бритва был!

– И что? – спросил Артур, нагибаясь вперед между спинками сидений. Ксюха с Борисом привстали, глядя на Мишку.

– Да то, что вот сейчас крутил-вертел его и по пальцу себя случайно полоснул. Сильно так – а крови нет! Глядите, он... он тупой совсем! Как такое может быть? Я ведь...

Артур пренебрежительно махнул рукой.

– Перепутал, забыл наточить. Стас, мы приехали? Ксения, вставай, пожалуйста, надо вещи брать.

– Да нет же! – протестовал Мишка. – Я его правда наточил! Это моя любимая побрякушка, я его всегда... а теперь он тупой – полностью! Стас! Ты чего на меня вытаращился?

Заглушив мотор и отпустив руль, Стас развернулся на водительском сиденье.

– Ты правда наточил его?

– Да, – кивнул Мишка, слегка испугавшись. – Да, и... А что такое?

– Все ножи, бритвы, топоры, которые нашли в палатке и возле тел погибшей группы Токарева, были тупые, – произнес Стас. – Хотя в таком походе нельзя обойтись без нормально заточенных ножей. И еще писали, что их фонарики полностью раз...

Он вытащил из кармана мобильный телефон. И тут же Ксюха сказала:

– Мой разряжен.

– И мой! – крикнула Яна в изумлении. – Я ведь только утром сняла с зарядки, а его на пять суток...

Стас разглядывал мертвый аппарат на ладони. Артур, Борис, Алена – все смотрели на свои телефоны. В салоне стояла тишина. Снаружи на ветру заскрипела сосна, громче, потом другая. Зашуршало. Хрустнуло. Алена сказала:

– Там что-то движется.

Лицо Мишки обмякло от ужаса. Он уставился сквозь заднее окно, беззвучно разевая рот, не в силах произнести ни слова. Ахнула Яна. Сдавленно выругался Борис. Ксюха схватилась за крестик на шее, а Стас вскочил, выпустив из рук трубку. Яркий, пронизанный солнечными лучами ужас катил на них между сосен. А еще был свет – трепещущий дикий свет, который пришел откуда-то извне.

И тени, узкие, как лезвия ножей, тянущиеся к машине.

Часть первая

Двойное преследование

Глава 1

Побег

Пять месяцев спустя.

Москва, Варшавское шоссе, 01.30 ночи

Два черных микроавтобуса «Мицубиси» быстро ехали прочь от Москвы, когда перед задней машиной с грохотом провалился асфальт. Взвизгнули тормоза, но водитель не успел остановиться или отвернуть в сторону – «Мицубиси» влетел в провал. Капот смялся, багажник задрало к небу, от машины повалил дым.

И тут же из первого автобуса донеслись три выстрела. Он вильнул, едва не перевернулся, наскочив на бордюр, и вылетел на пустырь у дороги. Колеса взрыли землю, после чего машина врезалась в неработающий фонарь. С хрустом и треском тот накренился, а потом двигатель заглох, и все стихло.

Но ненадолго. В салоне автобуса раздался взволнованный голос:

– Очнись! Надо уходить! Быстрее!

* * *

– Очнись! Надо уходить! Быстрее!

Сначала оба ощутили сильнейшую головную боль. За нею пришли растерянность и непонимание... Где они находятся? Что происходит?

Голос в полутьме настойчиво повторял:

– Вставайте! Сейчас они будут здесь!

Парень и девушка, одетые в свободные серые пижамы наподобие кимоно, лежали на двойной койке-каталке. Над ними склонился санитар в забрызганном кровью белом халате и тряс их. Лицо у него было перекошенное, глаза бегали.

Они находились в машине – вроде «скорой помощи», но просторнее, которая только что куда-то врезалась. На полу валялись два охранника с автоматами, у одного из глазницы торчал скальпель. Посыпавшиеся со стеллажа склянки, бинты и флаконы, лужа крови, осколки... В машине остро пахло лекарствами.

– Очнулись?! – Отпрянув от койки, санитар бросил на пол шприц с остатками мутной жидкости. – Я хотел вам еще раз вколоть... Вставайте, бежим!

Он несколько раз врезал ногой в заднюю дверь машины.

От звука ударов заломило в висках. Парень сел, свесив с койки ноги в легких тапочках-лодочках, и растерянно спросил:

– Где я?

Голос у него был сиплый и слабый, дрожащий, а в голове – хаос из обрывков мыслей, образов, звуков... Он прижал ладони к вискам, мучительно пытаясь понять, как оказался в этом месте.

Рядом села девушка. Судя по всему, она ощущала примерно то же самое. Молодые люди переглянулись. Она увидела среднего роста коротко стриженного шатена, он – невысокого роста девчонку с косичками и круглым симпатичным лицом.

Охранники на полу лежали неподвижно. Один, прижимая к груди автомат, свернулся калачиком, отчего в своем камуфляже и бронеке выглядел нелепо и жалко. На лице второго, со скальпелем в глазу, застыл ужас.

Санитар еще несколько раз ударил в дверь, но ту заклинило намертво. Бормоча что-то бессвязное, он полез мимо каталки ко входу в кабину. По дороге наступил на плечо охранника, поскользнулся. Глянув вниз, подскочил, едва не упал и поднес к лицу правую руку. Рукав был в крови, а пальцы дрожали.

– Что я сделал, что я сделал, что я сделал... – Монотонно бормоча это, санитар плечом толкнул дверцу и выпал в кабину.

Девушка первая последовала за ним, потом шагнул парень. Через лобовое стекло проник свет одинокого фонаря. Неподалеку было шоссе, озаренное редкой цепочкой огней, а здесь – пустырь, куда машина, судя по всему, вылетела на скорости и врезалась в фонарный столб.

Водитель уткнулся лицом в подушку безопасности. Спина его была окровавлена, сиденье позади пробито пулями. Три дырки виднелись в перегородке, отделяющей кабину от салона.

– Это не я его! – Оттолкнув парня с девушкой, санитар сунулся обратно, схватил автомат мертвого охранника и стал выбираться из машины через дверцу со стороны пассажирского сиденья. – Это один из этих, в салоне, начал с перепугу стрелять! Не я это! Не я!

Спрыгивая на землю, он зацепился за подножку и упал, выпустив оружие. Громко охнул.

Молодые люди тоже выбрались из кабины. Стало видно, что раньше они находились в длинном черном микроавтобусе «Мицубиси» с тонированными стеклами.

Метрах в ста от пустыря высился на металлической колонне предвыборный билборд с изображением президента страны. Немного в стороне от колонны, на краю шоссе, асфальт провалился, из дыры торчал багажник микроавтобуса, судя по зализанным очертаниям – той же модели, как и «Мицубиси», в котором ехала эта троица. Над автобусом поднимался дым.

– Что происходит? – спросил парень. – Я ничего не понимаю!

Девушка обхватила себя за плечи – было холодно. Но снега не видно... зима, кажется, недавно закончилась.

Над краем провала, где лежала дымящаяся машина, показалась голова с соломенными волосами, затем оттуда выбрался крупный мужчина. Оглядевшись, присел, помогая выкарабкаться кому-то еще.

Позабыв про автомат, санитар вскочил и крикнул:

– Они вас убьют! И меня!

– Кто? – спросила девушка.

– Люди из той машины – это оперативники Комитета, они ехали за нами!

– Но почему убьют?..

– А если не убьют, так закроют навсегда! Надо спрятаться в схроне Шута! Он за дискотекой, на фабрике!

Слово «Шут» прозвучало как-то совсем уж дико во всей этой ситуации, дико и непонятно, – а особенно потому, что санитар произнес его с такой интонацией, будто это было имя.

Он побежал в глубь пустыря, прочь от шоссе. На ходу оглянулся, махнув рукой, крикнул:

– За мной, иначе вам конец! Да скорей же!

В его голосе было столько искреннего страха, что сначала девушка, а после и парень – ошарашенные, ничего не понимающие – поспешили с места аварии вслед за человеком в забрызганном кровью белом халате.

Вскоре после того, как они исчезли в темноте, к разбитому «Мицубиси» подошли четверо молодых мужчин, выбравшихся из машины, что дымилась в провале на краю шоссе. На всех были длинные кожаные куртки и темные костюмы, под ними – черные сорочки без галстуков.

Двое сильно хромали, у третьего на лице была кровь, и только увалень с коротко стриженными соломенными волосами, казалось, не пострадал.

– Окружить! – приказал он и полез в кабину микроавтобуса. Выставив перед собой пистолет, заглянул в салон и, когда понял, что тот пуст, громко выругался.

А затем, подняв руку к уху, включил гарнитуру мобильного.

* * *

Иван Титор подъехал к месту происшествия на служебном «Мицубиси». За рулем сидел его молодой помощник Сергей Мальков. Титор – высокий грузный мужчина с сутулой спиной и длинными руками – руководил оперативным отделом КАСа, организации, занимающейся аномалами.

Прежде чем Мальков отстегнул ремень безопасности, его шеф, сидевший рядом, распахнул дверцу и полез наружу. Заканчивалась небывало теплая, каких в окрестностях Москвы никто и не помнил, зима. Снег недавно сошел. Титор с Мальковым по Варшавскому шоссе возвращались из командировки на Подольский полигон, который инспектировали на предмет готовности к прибытию двух аномалов, когда им позвонил Василий Караулов, старший оперативник КАСа. Василий сообщил, что машина боевого охранения попала в провал, неожиданно возникший прямо перед ней на шоссе, а та, что везла аномалов, потерпела аварию на пустыре у шоссе.

Когда они вышли, оперативники замерли с трех сторон от фонаря, в который врезался «Мицубиси», контролируя каждый свой сектор. Из кабины выглянул Василий Караулов – широкоплечий увалень с грубым лицом и отвисшей нижней губой. Титор, приостановившись, кинул взгляд в сторону второго микроавтобуса, чей капот торчал из провала на краю шоссе. Билборд над ним сиял огнями в черном небе, президент по-отечески, мужественно улыбался Титору, показывая рукой на ряд по-деловому одетых муж-

чин и женщин – надо полагать, представителей правящей в стране партии.

– Что произошло? – спросил Сергей Мальков у прыгнувшего на землю Василия.

Разговаривал заместитель Ивана Титора всегда тихо, ровным голосом, был он неулыбчив, сух, подчеркнуто спокоен, почти чопорен, деловит и нечеловечески предусмотрителен – золото, а не помощник.

– Землетрясение, – прогудел Караулов. – Серега, я не знаю, как объяснить... Едем, автобус с аномалами впереди, вдруг – бац! – земля дрожит, нас качает, а потом прямо впереди дыра, и мы в нее валимся.

– А первая машина?

Василий взъерошил короткие светлые волосы.

– Когда вылезли, она здесь стояла. И внутри никого. Аномалы сбежали, ты понимаешь? А охранники... Короче, сам посмотри.

Вася замолчал, когда к ним с Мальковым широкими шагами подошел Иван Титор. Пальто шеф снял и бросил на сиденье микроавтобуса, под расстегнутым пиджаком на боку виднелась кобура со служебным «глоком». Титор имел привычку ходить, немного подавшись вперед, большие руки покачивались, цепляя ладонями штанины, голова наклонена к груди, взгляд из-под нависающих надбровных дуг равнодушно-угрюмый.

– Нашу «скорую» уже вызвали? – спросил Мальков.

Василий кивнул и посторонился, пропуская Титора в кабину. Сергей Мальков дважды щелкнул ногтем по пластиковой «капле», прикрепленной к уху. Когда дежурный откликнулся, сказал:

– Мы с Иван Степановичем на месте происшествия. Медики уже выехали? А Яков?... Да, хорошо, что разбудили. До связи.

Когда он забрался в кабину, Иван Титор, включив фонарик, осматривал салон.

– Сбежали, – констатировал шеф после того, как заместитель шагнул в салон, тоже включив фонарь. – Сначала Жрец с Шут и Амазонкой, а теперь Маг и Тьма. Твою мать!

– Тут что-то очень странное, Иван Степанович, – заметил Мальков. – Эта дыра на шоссе...

– Я видел, – хмуро отрезал шеф. – У нас постоянно что-то странное, работа такая.

Мальков присел на корточки возле обнявшего автомат охранника и пощупал пульс. Титор быстро осмотрел второго.

– Надо выносить тела, – сказал Мальков. – Этот спит, по-моему.

– Спит? – поднял голову шеф.

– Хлороформ, – пояснил заместитель, кивнув на смятый тампон в углу салона. – Запах чувствуете?

– Воняет, как в больничке.

– Василий, сюда! – крикнул Мальков. – Открой заднюю дверцу!

Иван Титор медленно повел лучом фонарика по салону. Ремешки на койках расстегнуты – аномалы не могли сами это сделать, кто-то их освободил – крови на железе нет, хотя на полу ее хватает, натекла из выколотого глаза охранника.

– В машине был еще санитар, Паша Сковорода, – напомнил Мальков, выпрямляясь.

Задняя дверца салона дернулась, и он повысил голос:

– Заклинило – сильнее тяни!

Титор полез обратно в кабину. Дверцу рванули и с хрустом выдрали из петель. Василий запрыгнул внутрь, следом забрались двое оперативников.

– Я тут уточнил – никто из моих аварию не видел, – доложил Василий, приподнимая за плечи спящего охранника.

– И как из этой машины трое уехали, тоже никто не видел? – спросил Титор.

– Нет, Иван Степанович. Не до того ж было. У нас вон капот весь смят, один с сотрясением, у второго плечо вывихнуто, вправлять пришлось....

Оперативники стали выносить тела. Мальков, прежде чем перейти в кабину вслед за шефом, поднял что-то с пола, оглядел внимательно и положил на край каталки.

В кабине они с Титором быстро осмотрели водителя и пулевые отверстия в перегородке позади кресла, спинку которого пули тоже пробили.

Под дверцей со стороны пассажира лежал автомат мертвого охранника. Титор спрыгнул на землю, оглядел жухлую траву вокруг брошенного оружия. Осторожно, чтобы не стирать чужих отпечатков и не оставлять своих, поднял и положил на сиденье.

При мысли о том, что теперь надо ловить еще и Мага с Тьмой, мучительно зачесался шрам на скуле. Потирая его, Титор отошел в сторону, встал спиной к разбитой машине. Горели фары, фонари над трассой, луна освещала пустырь, рядом с которым произошла авария. Аномалы и санитар побежали, скорее всего, прочь от шоссе, но куда именно? Направлений много, а КАСовцев здесь мало...

Надо было спешить. По защищенной связи Титор вызвал Директора и очень коротко описал обстановку. Директор, как и следовало ожидать, мгновенно вышел из себя.

– Ты понимаешь, что теперь у нас остались только Воин и Дева?! – орал он. – Что случилось с машиной сопровождения?! Какой еще, на хрен, «провал», что за бред?!!

Эту перевозку должен был курировать начальник оперативного отдела, но Директор вчера отправил его в командировку в Подольск, чтобы подготовить Полигон к доставке двух аномалов, – из-за этого Титор и не мог лично следить за транспортировкой. Вот только попробуй докажи разъяренному шефу, что он неправ, поручив одному человеку два дела, для выполнения которых надо находиться в разных местах... Тем более шефу, который очень не любит конкретно тебя.

Некоторое время Титор слушал с каменным лицом, указательным пальцем поглаживая шрам.

– Исчезновение Мага и Тьмы – ваша прямая вина, – чеканил Директор. Он перешел на «вы» и уже не кричал, а говорил тихо и быстро, что было плохим знаком. – Аномалы должны быть пойманы и возвращены на свой уровень. Они нужны мне там до третьего марта, это ясно?

Начальник отключился, и Титор снова потерял шрам. Директор не любил его и не упускал любую возможность смешать с дерьмом... Так почему сейчас не договорил? Будто спешил куда-то – может, доложить про исчезновение двух аномалов Куратору от правительства?

И почему именно до третьего марта, откуда взялся этот срок? Осталась неделя...

Коснувшись «капли» на гарнитуре, он отключил телефон. В чехле на поясном ремне висел смартфон модели, никогда не поступавшей в широкую продажу, соединенный с гарнитурой на ухе не блютузом, который легко прослушать, а тонким черным проводком. Обычно набирать цифры приходилось с помощью кнопок, но по основным служебным номерам сотрудники КАСа могли позвонить, щелкнув ногтем в определенной последовательности по черной пластиковой «капле».

Директор – мудак, Титор прекрасно знал это, все в Комитете знали. Когда-то Иван с Директором не поделили женщину, которая в результате предпочла Директора... Но тот все равно до сих пор тот не любил начальника оперативного отдела. Теперь Ивану придется из кожи вон вылезти, но поймать беглецов, иначе доживать ему свой век охранником где-нибудь на экспериментальной станции Комитета за Полярным кругом.

Подождал Мальков, Титор кивнул: «Докладывай», – и помощник негромко заговорил, как обычно, правильными, продуманными, немного книжными фразами:

– Я вижу произошедшее следующим образом... Началось землетрясение, машина Василия провалилась в дыру. Павел Сковорода, возможно, увидел это через заднее окно. Он сунул под нос одному охраннику хлороформ, а второго ткнул в глаз скальпелем. Первый охранник от неожиданности начал стрелять, пули пробили перегородку и убили водителя. После этого машина скатилась с шоссе и врезалась в столб. Василий с оперативниками еще только выбирались наружу. Санитар успел распустить ремни на койках, где лежали аномалы...

– И утащить обоих? Я помню этого Сковороду – не здоровяк.

– Значит, аномалы ушли сами. Вероятно, вместе с ним.

– Но почему они очнулись?

– Я нашел в салоне шприц, там остатки какого-то вещества. Когда приедет начмед, необходимо передать на анализ. Мне кажется, Сковорода сделал аномалам инъекцию, которая вывела их из нашей искусственной комы. Охранникам он мог объяснить, что колет какое-то лекарство, а потом...

Мальков замолчал, когда шеф достал из кармана портсигар. Вытащил сигарету, зажег, закурил. Заместитель немного отодвинулся назад.

– Ты мне ответь, почему Павел Сковорода вдруг стал помогать аномалам? И что это за провал, в конце концов?

– Этого я не знаю, Иван Степанович. Сковорода из научного отдела, там всех служащих проверяют каждые полгода. Раз его допустили к такой работе – значит, с ним не было никаких неясностей. А провал... это вообще в голове не укладывается.

– Ну хорошо, просто выскажи свои догадки.

Мальков помолчал. Он не любил строить догадки, предпочитая делать умозаключения только на основе проверенных фактов, а сейчас их было слишком мало.

– Какие-то штучки Мага или Тьмы? – неуверенно предположил заместитель. – Насчет Сковороды... Принуждение?

– Маг – интуит, он предвидит, но не умеет внушать, это мы давно выяснили. – Титор глубоко затянулся. – Как он заставил Сковороду? Мы же четко определили: один аномал – один дар. А Тьма...

Шеф умолк, и Мальков сдержанно кивнул:

– Иван Степанович, мы везли этих двоих на защищенный Полигон, чтобы там проверить способности Тьмы, ее возможное влияние на других аномалов и на людей. Но что, если они проявились раньше, вот сейчас? Что, если мы наконец увидели дар Тьмы?

Сейчас Титору нечего было возразить на это. Сделав еще несколько затяжек, он щелчком отбросил недокурную сигарету.

Тихо рокоча двигателем, с шоссе на пустырь свернул черный микроавтобус.

– Прошу прощения, Иван Степанович, мне надо дать вводную медикам, – сказал Мальков.

Он поспешил навстречу очередному «Мицубиси», который остановился возле оцепленной зоны, а Титор вернулся к месту аварии и заглянул в салон через проем выломанной дверцы. Оперативники вытащили тела, положили на траве у фонаря. На краю каталки лежал стеклянный шприц. Иван забрался в салон, двумя пальцами аккуратно взял шприц, рассмотрел. Внутри оставалось немного мутно-коричневой жидкости.

Когда он прыгнул на землю, к телам под фонарем семенил невысокий плотный человек с капитанской бородкой. За ним шли двое помоложе, с железными чемоданчиками в руках.

– Мое почтение, Иван Степанович, – на ходу приветствовал Яков Мирославович Вертинский, начмед Комитета. – Что это у вас?

– На экспертизу. – Иван сунул в пухлую ладонь шприц, который успел положить в пластиковый пакетик. – Возможно, с помощью этого были приведены в чувства аномалы.

– И где они сейчас? – уточнил доктор, склоняясь над телами.

Титор не ответил – отошел в сторону, где стоял Мальков, и тихо сказал:

– Санитар действовал не один, ему помогали. Но как сумели все организовать? Для этого надо было заранее знать время перевозки.

– Вы хотите сказать, что в КАСе есть «крот»? – спросил Мальков, быстро оглядевшись. – Но чей? Аномалы – это ведь не организация какая-то, просто отдельные люди. Неужели кто-то занимается ими так же, как мы?

– Понятия не имею, но кто-то еще, помимо Сковороды, помогал Магу с Тьмой сбежать.

– Если так, то теперь этот «кто-то» попытается отловить беглецов, а иначе зачем было огород городить?

– Правильно. Нужен «нюхач», – решил Титор. – Немедленно.

– Я уже распорядился, Иван Степанович. Бригада сейчас... а вот и они.

Очередной микроавтобус подкатил к месту происшествия. Пока оттуда выгружались двое оперативников и техник с «нюхачом», пока Мальков описывал им ситуацию, Иван Титор снова набрал Директора и коротко доложил обстановку, но не сообщил о своих домыслах про «крота». Директор повторил, что беглецов следует живыми и невредимыми доставить на их «уровень» до третьего марта, после чего отключился. В голосе Директора начальнику оперативного отдела почудились какие-то странные интонации, но Титор не смог понять, что они означают.

«Живыми», – повторил он про себя и снова потер шрам, который заполучил после того, как двое «старых» аномалов, попавших под опеку КАСа больше года назад, встретились с Сущностью, заключенной в секретном бункере под зданием Комитета. Сущность так повлияла на

них, что один аномал почти сразу умер, а второй попытался сбежать, перебив часть охраны и отключив электронную систему защиты, и лишь Титор сумел остановить его тремя разрывными пулями – но при этом самого Ивана смертельно раненный беглец едва не прикончил.

С тех пор аномалов к Сущности не подпускали. Однако руководство настаивало на новом эксперименте, потому-то Мага с Тьмой и отправили на Полигон – своеобразный филиал центрального отделения КАСа, где их должны были подготовить к будущему контакту. Да вот только довести до Подольска не смогли...

Ну, послала судьба работенку! Иван ссутулился, сильнее обычного наклонив голову, свесил длинные руки, отчего стал похож на усталую мрачную гориллу. До памятного ранения он был энергичным человеком, но тогда в нем что-то сломалось. Сослуживцы и немногочисленные «гражданские» знакомые отмечали: шрам появился не только на лице Ивана Степановича Титора, но и словно на его душе. Он стал молчаливым, равнодушным, даже унылым, и часто казалось, что Иван действует через силу, заставляя себя двигаться, думать, говорить, решать вопросы, на которые ему в действительности наплевать. Он будто потерял вкус к работе... и к жизни.

Аномалы пугали Титора. В них было нечто чуждое, неправильное, ну словно человеческое сознание в теле какой-нибудь многоножки. Однако судя по всему, кому-то в правительстве они были нужны. Кто-то хотел использовать аномалов... Знать бы – для чего?

Раздался негромкий голос техника – «нюхач» взял след.

* * *

В Пси-Фронте его называли Егерь. Ему было за пятьдесят. Коренастый, всклокоченная борода с проседью, спутанные волосы до плеч. Егерь намеренно не брился и редко стригся, да и животик наел специально – при своем невысоком росте он стал выглядеть совсем безобидно.

Положив на колени короткий дробовик, Егерь сидел в салоне старого «Форда» модели «Гранада», стоящего на газоне возле Варшавского шоссе. На соседнем сиденье лежал потерянный портфель с длинным ремешком. Внутри, кроме прочих любопытных и экзотичных вещей, находились три световые гранаты.

Вскоре мимо должна была проехать машина с двумя одержимыми, которых Егерь собирался уничтожить. Именно такова была его роль в Пси-Фронте. Мало кто из представителей человеческого рода отдает себе отчет в том, что на планете идет война, но война не явная, тайная. Однако кое-кто это все же понимает, и Егерь, то есть отставной подполковник КГБ Захарий Павлович Егоров, был одним из таких людей.

Он занимался уничтожением одержимых на территории СНГ и был лучшим охотником евроазиатского региона.

Он знал: его миссия сверхважна. По сути, она священна.

С недавних пор у Пси-Фронта появился конкурент, который называли «Комитетом». Его сотрудники тоже выискивали одержимых, хотя даже не подозревали, кто это на самом деле такие. И не уничтожали их – исследовали! Вместо того чтобы стереть заразу с лица планеты, копались в ней, стимулировали к развитию, надеясь поставить на службу себе.

При мыслях об этом глаза Егеря мрачно сверкнули. Такие предатели человечества даже хуже самих одержимых, хуже силы, что подчиняет себе людей... Ничего, когда-нибудь Пси-Фронт разберется с КАСом, и неважно, какие силы в правительстве опекают Комитет.

Раздался звонок. Егерь достал из кармана плотного брезентового плаща «Моторолу» с противоударным влагонепроницаемым корпусом, включив, поднес к уху. Лишенный интонаций синтетический голос сообщил ему, что машина с двумя одержимыми не проедет по шоссе. Произошла авария, одержимые сбежали. Случилось это где-то в трех-пяти километрах

от места, где Егерь устроил засаду. След уже взят – беглецы движутся на юг, к Плещееву, то есть постепенно удаляются от шоссе. Вероятно, их ведет третий человек – не одержимый.

Плохо! Впервые после побега группы Жреца, случившегося больше месяца назад, Комитет решился перевезти двух одержимых на новое место. В подвалах КАСа до них не добраться, только сейчас Пси-Фронт получил шанс разделаться хотя бы с двумя из семерых – но если касовцы снова поймают их, то упрячут надолго. Беглецов необходимо перехватить и «стереть» прежде, чем посланные в погоню оперативники их догонят.

Егерь убрал дробовик в чехол, висящий на ремне под плащом, в котором он напоминал неряшливого туриста. Охотник понятия не имел, кто с ним говорил. Голос сперва попадал на сервер, где сообщение переозвучивалось программой, и Егерь знал только, что собеседник – один из агентов-внедренцев Пси-Фронта. Скорее всего, он (а может, и она) работал именно в КАСе, иначе каким образом смог так быстро узнать, что машина с одержимыми попала в аварию?

Поправив чехол, чтобы короткий приклад дробовика не упирался в подмышку, Егерь накинул на плечо ремешок портфеля, надел круглую шерстяную шапочку с подкладкой из фольги и вышел из машины.

Сверившись по наручному компасу, он двинулся наискось от шоссе. Сзади лилось приглушенное свечение ночной столицы, в темноте вокруг горели редкие огни. Подполковник в отставке Захарий Павлович Егоров шагал быстро и ровно, ветерок шевелил выбивающиеся из-под шапочки густые спутанные волосы с нитями седины. Выражение лица было отрешенным, Егерь редко моргал и глядел прямо перед собой. Глаза поблескивали в темноте.

В Пси-Фронт Захарий вступил вскоре после реструктуризации КГБ. 3 декабря 1991 года боготворимый одними и презираемый другими первый Президент СССР М.С. Горбачев подписал знаменитый указ «О реорганизации органов государственной безопасности», чем и положил конец спецслужбе, которая через три года отпраздновала бы свое пятидесятилетие. Именно в Пси-Фронте Егерь обрел смысл жизни, утраченный после развала Советского Союза. Теперь он жил ради единственной миссии: освобождения человечества. Егерь посвятил ей всего себя, свои поступки и устремления, став предельно хладнокровной и сосредоточенной личностью. Обычных человеческих слабостей в нем почти не осталось, желание уничтожать одержимых выжгло их – Егерь был равнодушен к вкусной еде, не интересовался женщинами, не любил кино, не читал книг, кроме тех, что могли помочь делу, не имел хобби, привязанностей, увлечений... Его жизнь состояла только из охоты, слежки и убийства.

На счету Егеря было почти два десятка «стертых», среди них – четверо подростков и трое детей. Он не жалел ни о чем. Миссия требует жертв, человечество важнее отдельных его представителей.

Варшавское шоссе осталось позади. Шагая размеренно и быстро, Егерь с северо-запада приближался к большой, давно заброшенной фабрике. Там мигал стробоскопический свет, гудела толпа молодежи, и гипнотический ритм технотранса бился в бетонных коробках пустых цехов.

С севера к этому месту бежал санитар, только что догадавшийся стащить с себя и выбросить в канаву забрызганный кровью белый халат, а за ним спешили двое молодых людей в серых пижамах, похожих на кимоно.

Следом, отставая меньше чем на километр, двигались двое оперативников Василия Караулова, техник с «нюхачом» и четверо бойцов в камуфляже из касовской бригады быстрого реагирования, вооруженные служебными «глоками» и компактными складными пистолетами-пулеметами.

Очень скоро всем им предстояло сойтись в одной точке.

Глава 2

Миссия требует жертв

7 суток до Контакта

– Стой! Ответь на мои вопросы! – Парень, который все никак не мог вспомнить свое имя, попытался ухватить санитар за плечо, но тот на бегу вывернулся.

По пути он сбросил свой халат, оставшись в синих джинсах и белой рубашке. Двое в пижамах-кимоно бежали за ним. Впереди ритмичные всполохи разных цветов выхватывали из темноты силуэты зданий.

– Кто ты такой?

– Паша я! Ты же сто раз меня видел!

– Я тебя не помню! Я вообще ничего не помню!

Это заставило санитара сбиться с шага, и он удивленно оглянулся на беглецов.

– И ты тоже?

– Да! – закивала девушка. – Что мы делали в той машине, почему она врезалась?.. Ты убил охранников? У одного из глаза торчал скальпель, а на твоём халате была кровь!

– Наверное, у вас амнезия, последствие искусственной комы... – забормотал Паша, – или препарата, которым я вас разбудил. Послушайте, если сейчас я начну все рассказывать, нас схватят! Я один из вас, я тоже аномал! Жрец сказал, что поможет развить мой дар! Я всегда знал, всегда – у меня есть дар, только скрытый! – Санитар ударил кулаком по ладони, затем указал на девушку: – Как у тебя!

Они спешили через поле, где стояли ржавые остовы автомобилей, валялись шины и всякая рухлядь. От шоссе поле отделяла железная ограда, впереди высились бетонные кубы, до них было недалеко. Музыка стала громче – однообразный, неживой ритм. Свет мигал в такт ему, переливался и дергался, будто припадочный.

– Я – один из вас! – повторил Паша с напором. – Но мой дар пока не проявился.

– Один из кого? Кто мы такие? – спросил парень.

– Вы что, даже этого не помните?

– Как меня зовут? И ее?

– Я не знаю имен, – отмахнулся санитар. – Вы сами вспомните. Память вернется, я уверен, скоро. Надо только выйти из стрессовой ситуации, успокоиться.

– Все, больше не могу. – Девушка остановилась, тяжело дыша. – Нужно отдохнуть.

Санитар, сделав еще несколько шагов, тоже остановился.

– Нельзя нам тут оставаться! Поймите, у них «нюхач», он как пес – чует след по запаху. Они точно знают, куда мы направляемся!

Вместо ответа девушка прикрыла глаза и обхватила себя за плечи. Парень нагнулся вперед, тяжело дыша, уперся ладонями в колени.

– Голова опять кружится, – пожаловалась она.

Санитар, окинув взглядом поле позади, всплеснул руками.

– Мы опередили их совсем не надолго и уже в третий раз останавливаемся! Ведь догонят же!

– Но куда мы спешим? – спросил парень.

– В схрон, который для нас оставил Шут. Мы с ним встречались, он вернулся и сразу исчез, только передал информацию от Жреца. Ну же, бежим дальше! Вы что, не верите мне? Ведь я один из вас!

– Но кто мы такие?

Паша развел руками.

– Я не знаю, как объяснить. Есть... на свете есть нематериальные сущности, так называемые «демоны». Или «бесы». Люди, в которых они вселяются, получают «дар» и, как сказать... становятся одержимыми.

– Так мы одержимы бесами? – удивился парень. – Это какой-то бред!

– Не бред! Это правда!

– Звучит как полная чушь, но... – Девушка потерла холодные щеки. – А кто нас преследует? Что за Комитет?

– Он называется КАС – Комитет по Аномальным Ситуациям, но это только прикрытия. Я уверен, на самом деле они – дочерняя организация Церкви, их специальный отдел.

– Но... – начал парень недоуменно.

Девушка перебила его:

– Как меня зовут?

Паша едва не плакал.

– Да не знаю я имен! В Комитете вас называли только по прозвищам. Он – Маг, а ты – Тьма. Это потому, что твой дар не определился, ну, не проявился пока, он как бы остается во тьме... Еще есть Воин, Дева, Амазонка, Жрец и Шут.

– И где они? – спросил тот, кого санитар называл Магом.

– Сбежали, хотя не все, полтора месяца назад – с моей помощью! А Жрец пообещал, что поможет и вам, и мне. Ведь у меня тоже есть дар. Вчера вдруг появился Шут, ждал меня возле дома, поздно вечером. Сказал, что он от Жреца, что устроил схрон на заброшенной фабрике в этом районе, недалеко от шоссе, под знаком «стрела в круге», так и сказал: стрела в круге, мол, вы двое знаете, о чем идет речь. Здание – за дискотекой, схрон в районе лифтовой шахты. Шут сказал, что я должен помочь вам сбежать. На следующий день была назначена перевозка, я сопровождал вас. Хотел усыпить охранников, одному – под нос тампон, второму пузырек, но... Когда уже выехали, смотрю – за нами вторая машина! Я ведь понятия не имел, что охранники еще будут, думал, только двое, которые со мной, ведь вы-то усыплены, не опасны. Что делать? Уже препарат вам вколол, незаметно, вы вот-вот очнетесь, а тут еще охрана! Но потом что-то вообще непонятное началось: земля вдруг задрожала, и вторая машина провалилась. Представляете?! Я решил – мне этот шанс Бог послал, другого не будет! Сунул одному охраннику под нос хлороформ... Но второго убивать я не хотел! Так вышло – первый дернулся, этот стал стрелять, тогда я ударил скальпелем. Если мы сейчас не... Смотрите – бегут! Ну все, дождались, касовцы уже здесь!

Они оглянулись. По темному пустырю спешило несколько человек с фонариками, и на плече бегущего впереди всех был большой уродливый нарост.

– Послушайте! – взмолился Паша. – Нас преследуют люди из Комитета! Нам всем будет очень плохо, если поймают! Как только спрячемся, я все расскажу, мы на одной стороне, поймите же!

Маг переглянулся с Тьмой. Лучи фонариков мелькали все ближе – из-за частых остановок беглецы потеряли преимущество.

– Все, я уйду! – Паша рванул со всех ног, и двое аномалов побежали следом.

– Что такое «дар»? – крикнул Маг. – У меня он есть? Какой?

– Ты – интуиция. Можешь предвидеть... уже скоро!

Теперь они двигались между цехами. Спереди лилась музыка, от ударных екало в груди. Паша обогнул ржавый грузовик без колес, с украшенной граффити кабиной. Вперед уходила широкая асфальтовая дорога, слева высилось бетонное здание. Раскрытые ворота его перегородивал полосатый черно-белый шлагбаум, увешанный флажками и лентами. Перед ним, несмотря на ночной холод, толпилась пестро одетая молодежь, а за шлагбаумом стояли трое охранников в байкерском прикиде. В цеху грохотали динамики колонок, бурлили световые волны. Над воротами переливалась огнями вывеска: МЕГАБИТ.

– Надо обогнуть дискотеку, – тяжело дыша, сказал Паша и снова перешел на шаг.

– Что это за «стрела в круге»? – спросила Тьма.

Санитар пожал плечами. Он двигался на несколько шагов впереди своих спутников.

– Не знаю. Так Шут описал – дом, где нарисована стрела в круге, за «Мегабитом». Там для нас одежда, деньги. И записка, в ней сказано, что делать дальше.

Когда беглецы миновали толпу, на них стали оглядываться. Маг с Тьмой в своих пижамах и тапочках-лодочках выглядели одетыми очень уж не по погоде, да и Паша тоже. В толпе раздался смех, кто-то показал на них пальцем, охранники за шлагбаумом подняли головы. За раскрытыми воротами виднелся огромный стробоскоп, подвешенный у потолка цеха, наружу били иглы белого света; по асфальту, стенам других цехов, по человеческим фигурам ползли яркие пятна.

Маг – он все еще не вспомнил свое имя и потому мысленно называл себя именно так – спросил:

– Но если этот Шут вернулся, чтобы помочь нам бежать, почему не остался дожидаться в схроне?

– А если комитетчики проникнут туда за нами, схватят? Наверное, в записке указано место, где мы должны встретиться. Как бы сказать... промежуточное, где можно вычислить, следят за нами или нет. Что такое?!

Земля задрожала, и они остановились, недоуменно крутя головами. В толпе позади зашумели, вскрикнула девушка. Земля задрожала опять – сильнее, резче, у Паши даже колени подогнулись. Крапинки звезд в небе смазались.

– Землетрясение! – крикнул он в испуге. – Опять!

Беглецы присели, пошире расставив ноги и машинально разведя руки в стороны. Земля дрогнула еще сильнее, со всех сторон донесся скрип бетонных и железных конструкций. Сзади закричали. Глухой, низкий гул полился из-под земли.

Асфальт перед Магом и Тьмой провалился, образовав воронку диаметром в пару десятков метров. Вскрикнув, размахивая руками, Паша полетел вниз и вместе с потоками земли, камней и обломков асфальта съехал на дно.

Тьма устояла на ногах, а Маг упал. Гул и клочкотание, доносящиеся со дна воронки, умолкли, и все замерло. Сзади шумела толпа. Маг вскочил, стряхивая с волос пыль.

– Что это? – Тьма оторопело заглядывала в воронку. – Это... Но как же?! Землетрясение! Паша, эй!

– Помогите! – слабо донеслось снизу.

Аномалы растерянно топтались на краю провала. Ко всем прочим событиям этой сумасшедшей ночи добавилось еще и это – было от чего потерять голову. Воронка перекрыла всю улицу, левый край вплотную подходил к стене цеха, стоящего по соседству с тем, где гремела дискотека, а правый – к высокому забору из жести.

– Помогите мне! – позвал Паша и вдруг заплакал. – У меня плечо пробито арматурой! Господи, больно как...

– Я попробую, – сказал Маг, опускаясь на корточки на самом краю. – Только эти, которые за нами гонятся, уже совсем рядом.

– Но не можем же мы его бросить. – Тьма тоже присела.

Музыку так и не отключили, сквозь нее доносился рокот взволнованных голосов. В темноте на дне воронки Паша был едва различим – смутный силуэт посреди куч земли и обломков.

– Я спущусь первым и... – начал Маг.

Из пролома в жестяном заборе шагнул бородатый человек в мешковатом брезентовом плаще и шерстяной шапочке. На плече его висел портфель на длинном ремешке, а в руках было короткое ружье. Поставив ногу на самый край, он оказался прямо над стенающим Пашей. От Мага и Тьмы незнакомца отделяло всего несколько метров.

Позади беглецов взбудораженно шумела толпа молодежи, обсуждая неожиданное землетрясение. Кислотные волны, пульсируя, вырывались из здания дискотеки. Незнакомец поднял оружие, целясь в аномалов.

Вскочив, они попятились.

Ни Маг, ни Тьма не видели, как позади из-за украшенного граффити грузовика без колес показались трое мужчин. Один был в желтом комбинезоне и кожаной куртке, двое – в свободных полупальто, темных костюмах и черных сорочках. Следом бежали еще четверо, в камуфляже и с пистолетами-пулеметами в руках. У техника, одетого в комбез, на плече был закреплен прибор, напоминающий видеокамеру, с широким раструбом впереди.

Техник повернул его к беглецам и что-то крикнул, вскинув руку. После этого чернорубашечники и камуфляжные побежали быстрее.

* * *

Егерь уже думал свернуть и двигаться дальше вдоль шоссе, когда сквозь музыку, льющуюся спереди, донеслись крики.

Он побежал на шум. Услышал гул, шипение и клокотание, ощутил, как содрогается земля под ногами.

Потом земля качнулась, и Егерь полетел головой вперед, но успел выставить перед собой руки, что и уберегло его от серьезной травмы.

Охотник уперся ладонями в края пролома, зиявшего в жестяном заборе, что вырос у него на пути. Жесть затрещала, забор едва не опрокинулся под весом Егеря. Он выпрямился, вытащил дробовик из чехла под мышкой и шагнул в пролом. Взгляду открылась глубокая темная воронка, по склонам которой сыпалась земля. Слева кричали, из ворот длинного бетонного здания вырывались иглы белого света и разноцветные сполохи.

На дне воронки кто-то стонал, а на ее краю, спиной к дискотеке, на корточках сидели двое. Глаза Егеря сверкнули – одержимые! Он направил на них ствол своего трехзарядного «Serbu Super-Shorty».

Вскочив, они попятились. А из-за грузовика без колес, стоящего немного дальше по улице, один за другим показались оперативники Комитета.

Егерь едва не выстрелил в одержимых, лишь в последний миг сдержал палец на крючке. Одним зарядом картечи из дробовика двоих с такого расстояния не убить, скорее всего, охотник просто ранит их, и тогда одержимые достанутся оперативникам КАСа.

Парень с девушкой медленно пятились, уставившись на него. А сзади к одержимым приближались касовцы.

– Бегите! – рявкнул охотник Пси-Фронта.

Они бросились прочь от провала, но увидели спешащих к ним людей и свернули к узкому проходу между дискотекой и соседним цехом, под которым образовалась дыра.

Из-за грузовика выскочил последний касовец – в камуфляже, высокий, с черной вихрастой шевелюрой.

Егерь сдвинул портфель со спины на бок, раскрыл его. Другого выхода просто не было – и он трижды выстрелил, быстро передергивая рукоять дробовика.

Техник с видеокамерой упал, за ним на землю повалился второй мужчина.

Одержимые исчезли между цехами. В толпе у ворот закричали, одни подростки бросились прочь, другие – внутрь дискотеки, сломав шлагбаум и смяв охранников.

Защелкали ответные выстрелы. Егерь достал из портфеля гранату, метнув ее, подался назад, в проем.

За забором он зажмурился. Вспышка казалась яркой даже сквозь веки. Чтобы не терять времени, Егерь с закрытыми глазами заряжал дробовик, на ощупь вытаскивая патроны из кармашка на чехле.

Когда вспышка угасла, он снова выглянул в пролом. Оперативники попадали, кроме чернявого, который опустился на одно колено возле грузовика. В отличие от других, он успел зажмуриться, и поэтому сразу открыл огонь, заметив противника в проломе над воронкой.

Раненый техник матерился сквозь зубы, оперативники прикрывали глаза ладонями. На дне воронки кто-то громко причитал, а одержимые исчезли в проходе между цехами. Егерь высунулся, прикидывая, сможет ли быстро спуститься в пролом и залезть по другому склону, чтобы преследовать беглецов... и тут пуля чернявого, стреляющего короткими очередями, чиркнула его по левой руке у локтя. Егерь отпрянул. Пули пробивали жез, цепочка дырок зигзагом потянулась к нему, и охотник бросился вдоль ограды прочь от дискотеки и касовцев.

За пару минут он достиг конца забора, пересек свалку, в которую упиралась улица, и вернулся по другой ее стороне, за цехами. Музыка и выстрелы смолкли. Где-то впереди полыхал огонь. Спотыкаясь о камни и обломки кирпичей, разбрасывая ногами мелкий мусор, Егерь бежал дальше. На ходу вытащил из портфеля очки ПНВ, натянув на голову резиновую ленту, включил их. Очки тихо загудели, пространство озарилось призрачным зеленым светом.

Егерь хотел выскочить навстречу беглецам, но вскоре наткнулся на высокий забор. Вскрабкаясь на стоящий под оградой поддон с битым кирпичом, перелез. Потом путь преградила заросшая бурьяном канава, на дне которой все еще оставался снег.

Дальше были склады, автомобильная «яма» и пирамида из огромных шин для грузовиков. Наконец Егерь остановился, тяжело дыша. Глаза его мрачно посверкивали – он потерял одержимых.

* * *

Небольшим отрядом, прибывшим на место аварии вместе с техником, командовал Коля Горбонос, известный в Комитете под прозвищем Горбонос. «Соломенный» Василий Караулов был старшим оперативником и подчинялся непосредственно Малькову с Титоровым, а Горбонос, прапорщик «бригады быстрого реагирования», служил в ОВО – Отделе внешней охраны.

Дав короткую очередь по стрелку, который спрятался за жестяным забором, Горбонос присел под грузовиком, переждал вспышку световой гранаты и снова открыл огонь.

Двое аномалов исчезли между цехами, непонятно откуда взявшийся стрелок тоже пропал из виду. Горбонос вышел из-за машины. Техник тихо матерился – дробь зацепила плечо. Рядом лежал «нюхач», и было件нятно, что прибор выведен из строя. В глубине провала, перебившего улицу, громко стонали.

Направив ствол пистолета-пулемета в ту сторону, где еще несколько секунд назад был незнакомый бородач в плаще, Горбонос направился к своим людям.

– Мозгляк, как?

– Спину зацепило! – хрипнул тот.

– Броник под комбез надевать надо.

– Я ж не опер тебе!

– Когда на задании, хоть опер, хоть жопер... короче, сам виноват. Вставайте! Мозгляку помогите!

Пройдя между поднимающимися на ноги оперативниками, Горбонос несколько раз щелкнул ногтем по «капле» на ухе. Смуглое, с черными бровями, лицо его недобро кривилось, когда, шагнув к краю провала, он разглядел внизу Пашу Сковороду. Санитар раскачивался, стоя на коленях посреди завалов земли и камней.

Наконец Мальков ответил на звонок, и Горбонос, никогда не испытывавший особого почтения к начальству, сказал со злостью:

– Почему не предупредили, что у клиентов крыша? Что? Да! Их кто-то прикрывает. Нет, пока что один, с дробовиком и гранатами. Да, дробовик! Гранаты световые. Кажется, я его зацепил, хотя, может, и нет. Потери – Мозгляк ранен, «нюхач» разбит совсем. Еще землетрясение это... Что? Как это «какое», вы что, не почувствовали там? Блядь, да тут пол-улицы провалилось! Я тебе говорю – натуральное землетрясение! Только Сковороду взяли, тоже ранен. Да, понял... Нет, «нюхачу» точно конец. Я знаю, что второго нет! А ты меня предупредил, что их прикрывают?! Надо лучше оперативные данные собирать! Сказано было: трое бегут, и всё, а тут какой-то мудак со стволом. Хорошо, продолжаю поиски своими силами. Но только учти...

Горбонос не договорил – за дискотеккой полыхнул огонь.

* * *

Позади здания находилась парковочная площадка, наверное, для работников «Мега-бита», огороженная низким заборчиком, с парой машин и тремя мотоциклами. Два стояли на откидных стойках, у третьего стойка была сломана, и хозяин прислонил его к фанерной будке в углу стоянки.

Беглецы остановились, тяжело дыша, и Тьма выдохнула:

– Ф-фух... Послушай, нам надо найти тот схрон, про который говорил Павел!

– Там ведь тоже может быть небезопасно, – возразил Маг, которому не нравилось подчиняться чужим указаниям, смысла которых он не понимал.

– А где безопасно? – В ее голосе была паника. – Нам же больше все равно прятаться нигде! И Пашу этого убили, слышал выстрелы за спиной?!

– А если не убили? Он говорил про какой-то «нюхач», который может найти нас по запаху. Что, если они выследят нас до схрона? Надо сбить их со следа.

С другой стороны дискотеки доносились крики, но выстрелы прекратились. Перепрыгнув невысокую ограду, Маг бросился к мотоциклам и быстро отвинтил колпак на бачке того, что был прислонен к будке. Перевернул машину набок – бензин потек на асфальт.

– Хочешь поджечь? – удивилась Тьма. Она немного отдышалась и теперь озиралась, разглядывая темный фабричный двор.

– Как поджечь? – Маг сунул в бензиновую лужу ладонь, похлопал по своим тапочкам. – Надо вымазаться, тогда они след потеряют.

– Да вот же спички.

Мотоцикл выглядел как настоящий байкерский зверь – наверное, на нем приехал один из охранников. В сетчатом багажнике лежало всякое барахло: гайки, тряпочки, старые батарейки, сломанные заклепки, фонарик, и среди всего этого – спичечный коробок. Тьма вытащила его из груды рассыпавшегося хлама и протянула спутнику.

– Ты понял, что произошло? – Она казалась все еще напуганной и растерянной, но паническая дрожь исчезла из голоса. – Я имею в виду, когда все затряслось? Откуда в Москве землетрясение? И ведь та машина, ну, на краю шоссе, тоже в провал упала.

Маг схватил коробок, встряхнул – почти полный. Но какой-то сальный на ощупь, мягкий, может не зажегся. Тьма, взяв фонарик, встала в быстро растекающуюся бензиновую лужу.

– Думаешь, теперь этот «нюхач» нас не вынюхает?

Маг пожал плечами. Они побыстрее отошли в сторону, и он зажег одну спичку, сунул в коробок.

– Попробуем фейерверк устроить. – Коробок вспыхнул, и Маг бросил его в бензин, отскочив подальше, чтобы не вспыхнула собственная одежда.

Аномалы рванули прочь. Сзади полыхнуло, в спину ударила теплая волна, и по стенам запрыгали красные отблески. Тьма на ходу защелкала фонариком, потрясла его, стукнула торцом по ладони – наконец он включился. Батарейки совсем сели, луч получился тусклый. Зато огонь сзади стал ярче – судя по всему, перекинулся на фанерную будку.

Впереди, на стене очередного цеха, они разглядели нарисованный белым мелом знак: стрелка в большом круге.

– Это оно? – Тьма направила туда фонарик. – Смотри, ведь про это Павел говорил? Точно!

– Чего ты кричишь?

– Мне кажется, я помню! Помню этот знак! Когда-то...

Она потрясла головой.

– Я тоже. – Маг понял, что и он много раз видел стрелу в круге, этот символ что-то для него значил. Но что? И когда?

Позади громко треснуло, полыхнул багрово-рыжий свет – пожар на стоянке разгорался. Маг приблизился к дверям, и Тьма спросила:

– Чем оно нарисовано? Мелом?

Он провел ладонью по сырому кирпичу, смазав часть рисунка. Девушка зашла в цех и выскочила обратно, протягивая сырую грязную тряпку.

– Попробуй этим.

Когда от знака осталось лишь бесформенное пятно, они шагнули внутрь. В цеху было темно и холодно, свет едва проникал сквозь дыры в фанерных листах, закрывших оконные проемы. Тьма повела фонариком – в тусклом световом пятне промелькнули ржавые железяки и груды камней.

– И куда нам теперь?

– Санитар говорил про лифт, – припомнил Маг. – «Схрон в районе лифтовой шахты», как-то так он сказал.

Они поспешили дальше между ржавыми станинами. Лифт нашелся в дальнем конце цеха, перед массивными воротами, из которых вывозили продукцию. Подъемного оборудования не осталось, на дне шахты валялись раскисшие картонные листы, тряпье, посередине лежал лист металла. Спрыгнув, Тьма прошла по всему этому, пошевелила ногой груды влажного хлама.

– Ничего тут нет. Где же схрон?

– Нет, смотри, все в стороны сдвинуто, к стенкам, – возразил Маг. – И зачем эта железяка здесь?

С натугой он приподнял лист, открыв большую дыру. Тьма посветила в нее фонариком.

– Это какое-то техническое помещение?

– Сейчас разберемся.

Он полез первым, помог спуститься девушке. Они оказались в тесной комнатенке, из которой вела дверь с окошком. Маг толкнул ее, но дверь не открывалась, тогда он уперся плечом, нажал сильнее – снаружи что-то со скрежетом сдвинулось.

В окошко удалось разглядеть, что коридор дальше перекрыт обвалившейся бетонной плитой, в край которой и упирается дверь.

– Можно пройти, – решил он. – Дальше, за перекрытием, свободное пространство. Но сначала... ну-ка, посвети.

Сунув руки в дыру в потолке, он ухватил за край стальной лист и вернул на место, закрыв лаз. Тьма опять заглянула в дверное окошко и сказала, присмотревшись:

– Там дальше комната, стол стоит. И свеча на нем, кажется... Точно, в стакане, а рядом, по-моему, зажигалка. Выходит, это для нас приготовлено?

В темноте Маг медленно, рывками, сдвинул дверь. Пригнувшись, они пробрались под наклонно лежащей плитой и очутились в тупиковой комнате.

Чиркнуло по кремню колесико, в руке Тьмы вспыхнул огонек, и вскоре стоящая на столе свеча разгорелась, озарив схрон Шута.

* * *

До рассвета было еще далеко. Врезавшийся в фонарь «Мицубиси» затаскивали лебедкой на эвакуатор Комитета. «Скорая» увезла раненых, труповозка – тела, уехали комитетчики во главе с Васей Карауловым; только микроавтобус Титора и Малькова остался на месте.

Выслушав донесение Горбоноса, Мальков произнес: «Прикрывают? У нас нет никаких сведений о «крыше» аномалов. Но ты мог... Нет, об этом тоже пока нет информации. Какое еще землетрясение? Что ты мелешь? Нет, здесь ничего не тряслось. Не повышай на меня голос! Сковороду немедленно сюда. Отбой».

– Их упустили, – доложил он. – «Нюхач» разбит.

«Нюхач» создали в научном отделе КАСа на основе данных, полученных после работы с аномалами. Действовал этот прибор словно собачий нос, улавливая в воздухе остаточный феромонный след, анализировал его и подавал звуковые сигналы, ориентируясь по которым можно было отыскать источник запаха.

– Кто-то вмешался, открыл огонь по группе Горбоноса и кинул световую гранату, – сказал Мальков.

– Я даже не удивлен, – проворчал Титор. – Аномалов прикрывают, это понятно. Что там про землетрясение?

– Горбонос сказал, что у них на глазах обрушилась часть улицы, – заместитель развел руками. – Асфальт провалился вместе с землей, образовалась большая воронка. Еще сказал, что Павел Сковорода ранен, его захватили, он сейчас без сознания. Если он вел аномалов в определенное место, то скажет, куда именно. Я приказал доставить его сюда.

– Так! – оживился Титор. – Звони Якову Мирославовичу, попроси его пересесть в машину к Васе и вернуться. Сковороду надо привести в чувство и допросить немедленно.

– Понял, Иван Степанович. Насчет землетрясения... – Мальков замолчал, когда с шоссе на пустырь выехала приземистая двухдверная БМВ.

– Только этой суки тут не хватало! – ругнулся Титор.

Из вставшей у фонаря машины появилась молодая женщина в деловом костюме и пальто. Когда она подошла к микроавтобусу, Мальков раскрыл дверь, и женщина села. Лицо у нее было привлекательное, но слишком уж строгое и неподвижное, и глаза холодные, как трупы в морге.

– Ты зачем приехала, Дина? – спросил Титор.

– Меня прислал Директор. – Она положила на колени кожаную сумочку – изящную, дорогую, но несколько великоватую для обычной дамской принадлежности. – Буду курировать это дело.

Титор повернулся на сиденье, уставился на нее тусклым взглядом.

– От кого курировать?

– От Комитета.

– Но мы сами работаем в Комитете! – взорвался начальник оперативного отдела. – Зачем нас курировать?!

– Не тебя, Иван, – ответила Дина холодно, – и не Сергея. Я буду курировать поиски сбежавших аномалов. И помогать. Как обстоят дела?

Титор молча отвернулся. Мальков, коснувшись ногтем «капли» на ухе, негромко заговорил: «Поднимай всех, кто в Москве. Сними с отдыха, из отпусков. У нас общая тревога. Район полностью оцепить».

– Пусть свяжется с полицией, – добавил Титор, – предупредит, что нам может понадобиться помощь. Если Сковорода сейчас не скажет что-то толковое, без ментов не обойдемся.

Отдав приказ, Иван вышел из машины – он тяготился присутствием Дины. У них когда-то был роман, но она предпочла Директора... Теперь Титор старался общаться с этой женщиной поменьше. Встав спиной к шоссе, он закурил. Сзади хлопнула дверца – Дина тоже покинула микроавтобус. Безо всякого выражения посмотрела на Ивана и достала из сумочки мобильный телефон. В отличие от большинства работников КАСа, Дина Андреевна Жарикова не пользовалась гарнитурой с сенсорным набором и автоматическим озвучиванием входящих СМС. Отойдя к покосившемуся фонарю, она набрала номер, поднесла трубку к уху и заговорила – скорее всего, докладывала Директору.

Услышав топот и тяжелое дыхание, Титор глянул на пустырь. По нему приближались двое бойцов Горбоноса – они несли широкую доску, где лежал человек в синих джинсах и белой рубашке, залитой кровью.

* * *

Окончательно поняв, что упустил одержимых, Егерь решил заняться рукой. Пуля прошла вскользь, нанеся больше вреда плащу с рубахой, но все же зацепила кожу.

Отойдя подальше от дискотеки, где наконец отключили музыку, он очутился возле небольшого кирпичного здания между цехами. Заглянул – когда-то это была столовая, еще остался прилавок и стойка кассы в конце зала. Среди сломанной мебели Егерь нашел целый стол, положил портфель на него, плащ, снял рубаху. Стащил с головы ПНВ, подождал, привыкая к темноте. Из портфеля достал аптечку.

Когда он уже заканчивал обрабатывать глубокую царапину, за разбитым окном раздались шаги, вспыхнул луч фонарика... качнулся и сквозь оконный проем уперся в Егеря, который стоял у стола в одних штанах и с шерстяной шапочкой на голове.

– Это кто? – донеслось снаружи.

– А я знаю? Дедок какой-то.

– Че это он тут?.. Эй, дед, ты че тут делаешь?

– Пошли, посмотрим.

В столовую ввалились два парня с лицами закоренелых торчков. Обычно они промышляли в этом районе – грабили разбредающуюся с дискотеки пьяную молодежь. Сегодня ночь была неурожайная, музыку вырубili раньше обычного, потом появились менты, да еще что-то загорелось во дворе. Землетрясение этих двоих не удивило. Когда под кайфом, и не такое увидишь, но вот то, что поднялся шухер и на старой фабрике объявились ментяры, – плохо. Подельники решили спрятаться и переждать, пока все стихнет, тут и наткнулись на Егеря.

– Эй, закурить дашь? – Гопник покрупнее расхлябанной походкой направился к столу, у которого стоял некрупный мужичок бомжеватого вида. Не было никаких сомнений в том, что старый козел уже наложил в штаны с перепугу.

Второй пошел следом, не глядя на дружка и терпилу. Он шарил по карманам в надежде наскрести табачной трухи с остатками дури – может, хватит еще на косяк. Увлеченный поисками, он так и не понял, что произошло. Дед качнулся навстречу идущему к нему человеку... и тот как-то стрёмно захрипел, оседая на пол. Фонарик упал и погас.

В лунном свете блеснул короткий ствол дробовика.

– Бля! – Пальцы, выпустив щепоть табака и конопли, сжались на рукояти «выкидухи» в кармане. – Ну, ты, сучара...

Приклад врезался ему в лицо, превратив крупный хрящеватый нос в расплющенный вареник с вишней. Потом Егерь добавил ботинком в пах, и гопник повалился на колени, выронив нож. Охотник Пси-Фронта поднял с пола «выкидуху», отщелкнул и осмотрел лезвие.

– Тупой, дрянь. Как и вы двое. Падаль, отбросы человеческие.

Он с широкого замаха рубанул клинком по уху – и окровавленный комок, часть ушной раковины, влип в пол. Не дав гопнику закричать, Егерь снова врезал прикладом ему в лицо, выбив несколько зубов.

Пока двое корчились и хрипели под ногами, он быстро оделся, стараясь не вступать в растекающуюся кровь. Не оглядываясь, покинул столовую. Неподалеку что-то горело, была сирена пожарной машины. Зазвенел телефон, и Егерь достал из кармана трубку. Преобразованный сетевым синтезатором голос соратника из КАСа сказал:

– Их потеряли, в районе шум. Уходи, но будь неподалеку. Как только появятся сведения – сообщу.

* * *

В помещении, где оказались Тьма с Магом, стояла койка, застеленная драным пальто, раскуроченный шкафчик в углу, два стула да стол. Под столом – сумка, в ней были шмотки в пакетах с лейблами магазинов и три пары обуви: кеды, женские туфли, кроссовки. Позади стола на тумбочке лежали консервы, бутылка с кока-колой, две банки пива и конверт.

Обычный белый конверт, мятый, в пятнах от грязных пальцев. Без марки и адреса, не запечатанный.

Маг первым заметил его. Внутри оказался тетрадный лист в клеточку, прыгающим почерком там было написано:

«Эй, не рабейте! Я все подготовил, в сумке найдете деньги. Шмотки тоже там. Тьма для тебя отдельный подарок. Вам надо быть в 6 вечера в Киеве возле Андреевской церкви. Это верхняя часть Андреевского спуска. Амазонка будет ждать там две недели начиная с 25 числа, каждый день в одно время. Она атведет вас дальше к нам. Мы тут такое место нашли где прятаться, в жизни не поверите! Извиняюсь что не жду вас, но Жрец запретил. Вдруг с вами в схрон опера придут? Надеюсь Паша все сделал правильно. Пашика ты там? Еще встретимся!:) Удачи всем!

Вашь Шут.

ПЫСЫ. Да!!! Через границу идите в районе Новой Гуты. Там белорусы, с ними таможни нет, а потом украинцы. Я пробил один путь. Подойдете по адресу Ленина, 12, частный дом, спросите Гришу. Скажите ему «Мы от Пети» (значит от меня:)). Оставляю 4 тыщи баксов это подарок от Жреца. Гришке по тыще за чела, не больше. Будет требовать еще – не давать, он жадная тварь».

«Вашь» было написано с мягким знаком – это, и другие ошибки, и прыгающий почерк, и намалеванная мелом стрела в круге мучительно напомнили Магу нечто, что он уже видел... Кто же такой этот Шут, и почему он даже записку не подписал своим именем?

Пока он ломал голову, пытаясь вспомнить хоть что-то из прошлого, Тьма уже копалась в сумке. Из бокового кармана достала пачку долларов, ножницы, два ножа, раскладной и охотничий, бритву, пену для бриться, черную краску для волос, пачку «Мальборо», турбозажигалку... В сумке еще были две бутылки с водой и пара часов, женские и мужские.

Вдруг Тьма покачнулась и едва не упала. Маг подхватил ее, довел до койки и посадил. Когда склонился над ней, девушка схватила его за плечи.

– Я тебя знаю! Помню твое лицо, много раз видела. Кто ты такой?!

Он пожал плечами:

– Не могу понять. В голове такая каша... Но я тебя тоже помню. Слушай, отсюда надо быстро уходить.

Он вынул из сумки черные джинсы и плотную шерстяную рубашку, переделся, обул кеды. Маловаты, но сойдет. Нацепил на руку дешевые электронные часы и взял кожаную куртку.

Режет! Его словно толкнули – в голове разом сложился образ острого, холодного, режущего... Маг резко обернулся – девушка кромсала косички найденными в сумке ножницами.

– Чего ты? – удивилась она. – Нам нужно изменить внешность, вон краска, сейчас еще покрасим волосы.

– Д-да...

– Что у тебя с лицом? Ты хоть что-то вспоминаешь? Хоть немного?

– Помню яркий свет, – сказал он, проведя ладонью по лбу. – Какой-то... пугающий. Сосны, и свет волной катится между ними. Еще помню бетонные коридоры. Глухие такие, неприятные. И всё.

– А я помню длинные узкие тени, – сказала она. – Что же все-таки с нами произошло?

– Не знаю, но мы разберемся. Переодевайся, здесь нельзя оставаться. Павел может выдать это место, а...

Он не договорил – все поплыло, и темнота поглотила комнату.

Глава 3

На короткой дистанции

– Я ничего не знаю, ничего не знаю, ничего не знаю... – бормотал Паша Сковорода как заведенный.

В микроавтобусе было три ряда сидений, и его устроили на заднем, которое Мальков застелил целлофаном из багажника. Сиденья среднего ряда помощник повернул, чтобы они с шефом могли сидеть лицом к санитару. Яков Мирославович вернулся на машине оперативников и, недовольный всей этой суетой, накладывал повязку на пробитое арматурой предплечье Паши. Тот стонал и дергался – Титор запретил начмеду колоть обезболивающее.

Закончив, Яков сказал: «Ваня, в моем возрасте это уже тяжело, надеюсь, больше вы меня сегодня не побеспокоите», – и, кивнув всем, вернулся во вторую машину. Она уехала, из оперативников остался только Василий. Группа Горбоноса все еще рыскала вокруг фабрики. Дело усложнили пожарники, машина «скорой помощи» и полиция, подъехавшие к дискотеке.

Почти рассвело. Возле накренившегося фонарного столба было тихо, лишь Паша монотонно бубнил, не глядя на склонившихся над ним Малькова с шефом.

– Врет, сука, – прогудел Василий, куривший возле машины. – Я таких сволочей видал, Иван Степаныч. Зубы заговаривает.

Щелчком отбросив сигарету, оперативник сунулся в приоткрытую дверь и несильно двинул санитару в зубы огромным кулаком.

– У-у, морда! Говори – куда девку с пацаном вел?!

Мальков хотел было оттолкнуть старшего оперативника, чтоб убрался из машины, но Титор придержал помощника за локоть, с вялым любопытством наблюдая за происходящим. Ивану мучительно хотелось спать, слипались глаза, в голове гудело.

– Никуда не вел! – заскулил Паша, из разбитой губы которого потекла кровь. Василий вознамерился было стукнуть его еще раз, и санитар завопил: – Не вел!!! Они меня заставили! Принудили! Я... я не знаю, как все было! Не помню, не понимаю! Ничего не понимаю!!!

– Так, Караулов, а ну погоди, – слегка оживился Титор, садясь ровнее. – И вообще – охраняй периметр.

– Так точно. – Вася, отойдя от машины, привалился к фонарному столбу. – Но вы ему не верьте, врет он. В Чечне мы абрекам допросы всякие учиняли, так я наловчился... По глазам вижу: врет, падла, и не краснеет.

Когда он отвернулся, Титор спросил у санитары:

– Что последнее ты помнишь?

Тот глянул на него, на внимательно слушавшего Малькова и быстро заговорил, сбиваясь и глотая слова:

– Как в машину садились. Аномалов помню... как лежат, не двигаются – в коме. Я тоже сел, поехали. Потом – провал! Очнулся – лежу в какой-то яме, музыка орет, люди кричат, аномалов нет, а у меня кровь! Больше не помню ничего, богом клянусь, не помню! А потом землетрясение – боже! Это какая-то дьявольская игра...

Голос вновь сорвался на визг, Паша всхлипнул, перекрестился и добавил жалобно:

– Почему вы не дали начмеду обезболивающее вколоть? Мне же больно очень! Вон какая рана, а вы...

– Принуждение? – спросил Мальков задумчиво, и Паша умолк. – То есть как у Жреца? А что, если это Жрец и сработал – ну, дистанционно?

– Такой силы у него нет, – возразил Титор. – Заставить санитару броситься на охранников, усыпить одного и воткнуть второму скальпель в глаз? Слишком плотная суггестия,

насколько я понимаю, до побега Жрец на такое способен не был. Тем более не видя объектов... Но ты прав, это могло быть проявление дара Тьмы. О нем мы до сих пор ничего не знаем.

– Тьма! – закричал Паша. – Девка эта, ну точно! Влезла мне в голову и...

Он замолчал, услышав мягкий шум двигателя. К фонарю подкатила БМВ Дины Жариковой, некоторое время назад уехавшей в центральное здание КАСа. Открылась дверца. У фонаря Василий обернулся, с одобрением проводил взглядом пару стройных ножек, прошеествовавших от одной машины к другой.

Дина принесла легкий чемоданчик из черного металла, с изящной ручкой и цепочкой, пристегнутой к браслету на тонком запястье. Пальцы у женщины тоже были тонкие; длинные ногти тщательно покрашены, волосы на голове уложены волосок к волоску, и вся она казалась очень ухоженной, гладкой, будто налакированной.

На плече Дины висел аккуратный черный рюкзак. Титор с Мальковым молча подвинулись, она села рядом, положила чемоданчик на колени, отстегнув цепочку, раскрыла.

Паша ойкнул:

– Это же... Дина Андреевна, зачем вы принесли «дознаватель»?!

Она не удостоила санитаря взглядом. «Дознавателем» называли устройство, разработанное в научном отделе КАСа, том самом, что создал и «нюхач». Прибор существовал в единственном экземпляре и не был толком апробирован. Неврологи уже давно определили, какие участки головного мозга ответственны за ложь, и «дознаватель» так влиял на них, что человек терял способность врать – прибор являлся электронным аналогом скополамина, «сыворотки правды».

Дина, не обращая внимания на стенания Паши, достала две пары плоских серебристых тарелочек, от которых провода шли к поблескивающему лампочками устройству в чемодане.

– Вообще-то, ему надо бы голову побрить, – деловито сказал Мальков.

– Не принципиально, – отрезала она. – Держите его.

– Вася! – позвал заместитель. – Караулов, иди сюда!

– Иван Степанович! – взмолился Паша.

«Дознаватель» был жестокой штукой: после использования он обеспечивал человеку как минимум месяц сильнейших мигреней, а Яков Мирославович говорил, что использование устройства может привести к микроинсульту.

– Говори правду, – сказал Иван, в то время как Мальков потянулся к Паше, чтобы зафиксировать тому руки.

– Но я правду сказал! Честное слово, Богом клянусь!

– Ладно, Дина, подожди... – начал Титор.

Взвизгнув, Паша рванулся из машины. Вид у него был совсем больной, лицо бледное, чувствовалось, что санитар ослаб от потери крови, и потому никто не ожидал подобного. Санитар оттолкнул Малькова, локтем случайно зацепил лицо Дины, смазав помаду. Женщина откинулась назад, выдохнув короткое ругательство, а Паша вывалился из машины. Упал, но сразу вскочил.

– Караулов! – взревели в один голос Титор с Мальковым.

Тот уже бежал за санитаром, выхватив пистолет.

– Не стрелять! – крикнул Мальков.

Положив чемоданчик на сиденье, Дина тоже выбралась из машины, но в туфлях с каблуками бегать не очень-то удобно, и она, сделав пару шагов, остановилась, как и Мальков, выскочивший следом.

Иван Титор остался сидеть внутри – ясно было, что Паша никуда не денется. Тот мчался, высоко вскидывая худые ноги в узких джинсах, похожий на перепуганного зайца, а за ним, будто выпущенный из пушки снаряд, несясь Василий. Туфли сорок пятого размера тяжело бухали о землю, развеивались полы расстегнутого пиджака. Вася нагнал незадачливого санитаря

и, не замедлив скорости, врезался в него. Свалив на землю, пробежал по спине. Паша заорал от боли. Старший оперативник, сделав по инерции еще несколько шагов, развернулся. Схватил Пашу за шиворот, вздернул на колени и занес руку.

– Отставить! – звонко приказала Дина.

Василий замер, глядя на машину. Паша дрожал в его руках, как включенный вибратор.

– Хватит, Караулов, – бросил Титор из салона.

Вася распрямился, подняв беглеца на ноги, развернул спиной к себе.

– Иван, дай, пожалуйста, мою сумку, – попросила Дина. Получив ее, достала платок и стала вытирать помаду, размазанную локтем санитара.

Василий схватил Пашу за волосы, скомкал пятернею рубашу между лопаток и чуть не понес его перед собой – ноги в синих джинсах едва касались земли. Когда оперативник таким манером довел своего пленника до машины, Мальков с Диной разошлись в стороны, и женщина вдруг наотмашь ударила санитара по лицу. Длинные, выкрашенные бледным перламутром коготки глубоко пробороzdили скулу и нос. Паша заскулил, дергаясь, по щеке потекли капельки крови.

– Так тебе! – злорадно выдохнул Вася, нагнул Пашу и головой вперед втокнул в салон, наподдав напоследок кулаком между лопаток.

– Сергей, пристегни его, – велел Титор. – Сколько у тебя наручников? Караулов, свои дай, пристегните обе руки к дверцам.

Глаза Паши стали совсем безумными, губы тряслись. Он тихо подвывал, когда Дина натягивала ему на голову серебристые тарелки и прилаживала их плотнее, поворачивая винты изогнутых кронштейнов.

...Спустя пару минут санитар полулежал на сиденье, откинув голову. Зрачки его плавали, то и дело исчезая за краем века, руки дергались. Он до крови прикусил язык; алые капли стекали из царапин, оставленных ногтями Дины, красная дорожка бежала из носа.

– Схрон? – повторил Мальков немного растерянно. – Для них оставили схрон? Иван Степанович, я звоню Горбоносу, чтобы немедленно нашли его.

* * *

Стас бежал через бетонный коридор, гулко топая по железным плитам пола. Освещение тусклое, мертвая тишина, только его шаги и тяжелое дыхание, бетон словно впитывает звуки, проглатывает их. Глухо, холодно, страшно... Не оставляло ощущение, что коридор проложен внутри громады, исполинского серого куба, и вокруг – лишь километры бетона, ничего больше.

Вдруг плита прямо перед ним с тихим скрипом скользнула в сторону, и он, вскрикнув от неожиданности, полетел в квадратную дыру. Падать оказалось недалеко, а внизу был песок. Стас встал на четвереньки и мотнул головой, отфыркиваясь. Песок прилип к лицу, к шее... Он выпрямился – пол коридора был примерно на высоте его поясицы. Из скрытых динамиков вверху полился голос:

– Маг, беги дальше!

– Идите к черту! – крикнул он.

– Беги!

– Не хочу! – он полез обратно.

– Маг, через двадцать секунд в этот сектор автоматика пустит сонный газ. От него галлюцинации и сильная головная боль, ты же знаешь – тебе это надо? Беги, доделаем сегодняшнюю работу.

Сплюнув, он вспрыгнул обратно и побежал. Голос стал монотонно считать: «Восемнадцать... Семнадцать...» Коридор плавно изогнулся. Далеко впереди были раздвинутые желез-

ные створки, которые сомкнутся за спиной Стаса, как только он минует их, и отсекут этот сектор уровня «Тренажер».

– Четырнадцать... Тринадцать... – считал голос.

Слева!

Предчувствие будто толкнуло его. Он пригнулся, отпрыгнув вправо, а из раскрывшегося в стене отверстия рывком выдвинулся деревянный брус. Если бы Стас не уклонился, тот врезал бы ему в плечо, причем сильно, опрокинул бы на пол и оставил синяк. Но главное другое – тогда Стас точно не успел бы покинуть сектор. Брус втянулся обратно, за дырой мелькнула голова с соломенными волосами, грубое лицо с отвисшей губой – один из оперативников. Он насмешливо ухмыльнулся. Стас, показав ему кулак, рванул дальше.

– Десять... девять...

Он бежал что было сил, створки были уже недалеко. И тут навстречу ему маятником качнулся еще один брус, обмотанный тканью и подвешенный на тросике, который уходил в темную нишу на потолке.

Вот этого Стас не предвидел, никакое «шестое чувство» не сказало ему, что такое произойдет, и брус мягко врезался в грудь.

Словно большой туго набитой подушкой ударили. Воздух из легких выбило, и Стас упал на спину.

– Пять... Четыре... – монотонно бубнил голос Афанасия Гринберга, руководителя научного отдела КАСа.

Проклиная все на свете, Стас вскочил и бросился дальше.

Створки впереди сдвинулись. Тихое «Хлоп!» – и коридор перегородила железная стена.

– Один... Ноль.

Шипение сзади. Прыгнув к створкам, Стас ударил по ним кулаком. Оглянулся.

– Извини, Маг, сам виноват.

Лишь по легкому дрожанию воздуха да едва слышному шипению скрытых пульверизаторов можно было понять, что газ пошел.

– Идите вы на хер, сволочи! – с чувством выдохнул Стас, опустившись под створками на корточки, и закрыл глаза.

И тогда все содрогнулось – бетонные стены, пол, перекрытый выход из лабиринта...

– Стас! Очнись! Скорей, они идут!

Стас. Я – Стас Ветлицкий.

Его снова встряхнули, и он сел на кровати. Видение сгинуло, Стас-Маг уставился на коротко стриженную черноволосую девочку.

Яна Короткова. Невысокого роста, круглощекая, с большими карими глазами и улыбкой до ушей, напоминает «анимешку» – персонажа из какого-нибудь «кавайного», то есть «миленького», японского мультика. Яна всегда любила животных, а особенно – лошадей. После интерната она уехала аж в Пятигорск, чтобы поступить в училище при тамошнем ипподроме, и теперь, вернувшись в свой родной Питер, постоянно участвовала в скачках. Стасу такая работа всегда казалась несколько экзотичной для девушки – ведь профессиональными жокеями чаще становятся мужчины. Он не знал, добилась ли Яна чего-то в своем деле... По крайней мере, в жокейском наряде, картузе и сапожках она наверняка смотрится очень прикольно.

– Они идут, а ты вдруг вырубился! Нужно бежать!

– Яна, – произнес он хрипло.

– Да, так меня звать. А ты – Стас. Я тоже вспомнила сейчас. Слушай – они уже рядом!

Теперь и Стас услышал – над головой кто-то расхаживал, доносились голоса.

– Сколько я был в отключке? – шепотом спросил он.

– Минут десять. Я пробовала тебя растолкать, а ты только дергался и бормотал... Помоему, они обыскивают все здание.

Шаги над головой стали громче – несколько человек ходили совсем рядом с лифтовой шахтой. Стас и Яна, затаив дыхание, уставились на темный потолок, по которому ползали красноватые ответы пламени свечи. Наслюнив пальцы, Стас погасил огонек, и наступила непроглядная темнота.

– Ну, вот вам лифт, – приглушенно донеслось сверху. – Теперь что?

– Проверь, вот что, – ответили ему издалека. – Мальков передал: шахта лифта. Схрон где-то там.

– Ага, в цехе с кругом и стрелой. А на этом ничего не было.

– А пятно от мела, забыл? Может, стерли знак.

– Да тут тех пятен по всей фабрике!

– Все равно проверь.

Подошвы ботинок стукнули о стальной лист. Скрежет... и тут раздался еще один голос:

– Горбонос, у них там след! В соседнем здании на полу свежая кровь!

После секундной паузы раздалось:

– За мной!

Стальной лист прогудел, когда спустившийся в шахту человек оттолкнулся от него и подпрыгнул. Торопливо простучали и стихли шаги.

– Бежим! – зашептал Стас, вскакивая. – Пока не вернулись!

Он быстро зажег свечу, сунул в огонь записку Шута. Бросив горящий клочок в стакан, стал запихивать свою старую одежду в сумку. Только теперь Стас обратил внимание на то, во что успела переодеться Яна – плотные черные колготки, туфли, кофточка и платье... совсем не по погоде, очень уж короткое.

Перехватив его взгляд, девушка прошептала:

– Этот... Шут или как его – сволочь! Шутник! Такое мне подсунул!

Пригибаясь, они пересекли коридор вдоль рухнувшей плиты перекрытия. Стас сдвинул стальной лист и подставил сложенные в «замок» руки. Яна залезла наверх, оттуда донеслось:

– Никого не видно. Давай за мной!

* * *

– Организовать все это мог только Жрец, – сказал Титор. – Из тех троих, что сбежали раньше, только у него хватило бы ума. Одно не могу понять: кто стрелял по нашим людям? Судя по описанию Горбоноса, мужчина в возрасте, бородатый, плотный...

– А может, замаскированный Шут? – предположил Мальков. – Иван Степанович, я опять звоню Горбоносу?

Титор кивнул и поморщился, вспоминая бессвязный лепет Павла Сковороды.

– Этот идиот – религиозный маньяк. Мистик доморощенный, мать его. Всерьез думает, что Комитет – прикрытие для какой-то церковной конторы, что мы все – попы в штатском, аномалы одержимы бесами, и сам он тоже одержимый.

Мальков пожал плечами и постучал ногтем по ушной гарнитуре. На самом деле КАС был создан около трех лет назад по инициативе какого-то очень важного человека в правительстве. Кто он, знал только Директор да еще, возможно, Дина Андреевна Жарикова. Сам Директор, имеющий чин генерала, до того работал в Службе внешней разведки и главой КАСа стал потому, что был лично знаком с Куратором.

Ну а поводом для создания Комитета, насколько знал Титор, была Сущность. Она попала в руки ФСБ, и Куратор очень заинтересовался ею, как прямым доказательством существования чего-то, неизвестного земной науке и необъяснимого при современном уровне знаний.

Иван Титор окольными путями осторожно пытался выяснить, кто такой Куратор, но не смог – встречи того с Директором если и происходили, то в строгой секретности и вне стен КАСа. Однако ясно было, что возможности у этого человека огромные, а иначе как объяснить, что Комитет сформировали силами МВД и ФСБ в течение всего нескольких месяцев, что ему выделили здание, когда-то бывшее секретным научным объектом КГБ?

Приземистый цилиндр, огороженный четырехметровым забором, стоял на тихой улочке на окраине Москвы и усиленно охранялся. Здание имело несколько подземных этажей – «уровней», как их называли служащие, – вертолетную площадку, автономную энергосистему, способную обеспечивать его электричеством в течение недели, гараж, собственный медцентр, оранжерею, теплицы, лаборатории, мастерские и еще много чего. Средства на поддержание всего этого отчислялись не напрямую из государственного бюджета, но поступали на счета КАСа из правительственного спецфонда. При том что, Комитет был не совсем законнорожденным дитятей двух родителей, напрямую им не командовал никто из них. Каким-то образом он был выведен из-под опеки даже ФСБ, подчиняясь, судя по всему, только Куратору. Что же это за человек? – гадал иногда начальник оперативного отдела. Какой вес он имеет в государстве, если способен в кратчайший срок создать такую организацию и придать ей автономный статус? И каковы его конечные цели?

Возникнув, КАС почти сразу начал охоту на аномалов. Первыми была поймана пожилая чета с севера Украины, которую нелегально перевезли в Россию и стали исследовать в научном отделе Комитета. У мужчины за счет неестественно развитых височных долей было гипертрофированное обоняние – ни одна собака или акула не способна похвастаться таким, и главное – он обладал способностью это обоняние включать и отключать, без чего жизнь аномала превратилась бы в ад. Его жена имела другой, более опасный и зловещий дар – усилием воли она умела глушить импульсы в спинном мозге, парализуя людей. В процессе исследования и опытов в лабораториях КАСа ее способности постепенно развивались, так что вскоре она научилась ощущать движения заряженных частиц в электрических цепях.

После того как этих двоих свели с Сущностью, закрытой на нижнем, самом глухом уровне здания, их дар скачкообразно усилился. Нюхач, как называли мужчину, в результате обезумел, захлебнувшись в бушующем океане запахов, а Электра попыталась вырваться из здания, по очереди отключая охранные системы на уровнях и этажах, и лишь выстрелы Ивана Титора остановили ее в холле Комитета, прямо перед настежь распахнутыми центральными дверями, под которыми лежали трое обездвиженных Электрой охранников. Прежде чем умереть, женщина успела полоснуть своего убийцу по лицу длинным осколком стекла, который прятала в рукаве.

...Пока Мальков говорил Горбоносу, что необходимо найти здание позади дискотеки, на воротах которого нарисован особый знак, «стрелка в круге», Дина Жарикова закрыла чемоданчик с «дознавателем». Положила на колени принесенный из БМВ черный рюкзак, откинув клапан, достала кожаный футляр. Раскрыла – внутри лежали пять одинаковых предметов, похожих на большие тяжелые авторучки. Посередине из каждой выступал маленький спусковой крючок.

– Новая «электра»? – догадался Титор. – Целых пять сделали...

– Опытный экземпляр хорошо прошел испытания, и Директор заказал нашей лаборатории еще несколько.

Иван достал одно устройство из футляра, повертел в руках. На тонком прямом конце «электры» виднелся раздвоенный кончик иглы, спрятанной в тускло поблескивающем корпусе. Эту штуку в лаборатории КАСа официально именовали «Шок-парализатор, модель № 1», а создали его после исследований дара покойной Электры. Опытный образец был однозарядным, сделав выстрел, приходилось развинчивать его и вставлять новую иглу. Аккумуляторы в иглах

работали на принципиально новой схеме, не имеющей аналогов в мире. Попадая в цель, игла выплескивала мощный разряд, на несколько минут выводя жертву из строя.

– Внутри каждой пять игл, – пояснила Дина. – В иглах новшество – добавлен препарат, который парализует на срок от одного до двенадцати часов. На каждой игле верньер, его надо подкрутить в нужную позицию, там стоят цифры, сам увидишь, чтобы задать количество вещества, всprysкиваемого при попадании.

– А зачем тогда вообще электричество, если теперь есть этот препарат? – спросил Титор.

– Вещество не парализует мгновенно, для этого нужно несколько секунд. А если противник за это время выстрелит в тебя, или ударит ножом, или вырвет чеку из гранаты? Электроудар помешает ему, потом вступит в действие наркотик. Раздай «электры» своим людям.

Дина положила футляр на сиденье рядом с Иваном и открыла дверцу.

Развинчивая «электру», чтобы осмотреть новые иглы, Титор искоса наблюдал за женщиной. Покинув машину и отойдя подальше от Василия, подпирающего фонарь, она поднесла к уху мобильный телефон.

– Их обнаружили, – громко объявил Мальков. – В столовой на полу лужа крови.

– В какой столовой? – Иван посмотрел на него, отведя взгляд от «электры».

– Заводская столовая недалеко от здания дискотеки. Кровь свежая. Горбонос доложил, что они идут по следу.

Титор незаметно покосился на Дину. Не опуская трубки телефона, она подошла ближе к машине и внимательно слушала Малькова через раскрытую дверцу.

* * *

Усевшись за руль своего «Форда», Егерь положил портфель на сиденье рядом. Тонко запиликал телефон, он достал трубку и сказал:

– Говори.

– Есть новая информация.

Синтезатор не передавал интонаций, но собеседник произносил слова быстрее, чем обычно – соратник из КАСа торопился.

– Они укрылись на заводе, в одном из цехов. Для них был приготовлен схрон.

– Я не мог там оставаться, – сказал Егерь. – Слишком много касовцев.

– Похоже, след найден, – добавил голос. – Жди сообщений и будь поближе.

Егерь поглядел на умолкшую трубку. Возвращаться не хотелось, он хорошо представлял себе, как оперативные сотрудники Комитета сейчас прочесывают территорию завода, цех за цехом... Бывший подполковник Захарий Павлович Егоров знал, как проводятся подобные операции.

В прежней жизни он был правоверным коммунистом – не просто сторонником этой идеологии, но убежденным борцом. Сам склад его характера требовал подчинения какой-то высшей цели, он не мог существовать, как большинство, просто чтобы есть, спать, пить, размножаться и зарабатывать деньги на то, чтобы делать все это с большим комфортом. В КГБ Егоров занимался борьбой со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок, выявлением зарубежных шпионов, предотвращением саботажа на важных советских объектах и утечки засекреченной информации.

Он решил, что даже сейчас, когда вокруг полно касовцев, не может бросить дело. Придется снова вмешаться. Надо подъехать поближе, чтобы, если придется спешно отступать, до машины было недалеко, и ждать сигнала от соратника.

Старый «Форд», тихо порывивая двигателем, развернулся к заброшенному заводу. В полосе фар мелькнуло покрытие раздолбанной дороги, сплошные выбоины и ямы. Егерь поехал по ней.

... Такие же, а то и куда хуже дороги были в сибирской глуши, где Захарий Егоров встретил первого в своей жизни одержимого – сильно пьющего старика с безумными глазами и диковатыми повадками, единственного выжившего обитателя глухой деревни, население которой состояло всего из тринадцати человек. С ними произошло нечто странное, медэксперт лишь разводил руками: такое впечатление, что жидкости в телах этих людей просто вскипели, и причину он определить не мог.

Деревня находилась неподалеку от секретного оборонного объекта, где пропала важная документация, поэтому дело и попало к майору Егорову, прибывшему на место в качестве начальника следственной группы. Помимо него группа состояла из двух лейтенантов, один давно помогал майору, второй, по фамилии Величко, был новичком.

Связи между двумя событиями, кончиной людей и пропажей документации, они не обнаружили, но проигнорировать странные смерти деревенских не могли. Выживший старик нес всякую чушь, и Егоров собрался везти его в Москву. По всему выходило: тот что-то знает и скрывает от следствия, а может, напрямую замешан в произошедшем.

В ночь перед отъездом подозреваемый был убит – ему размозжили голову, превратив мозги в кашу. Убийца действовал в спешке, не успел толком замести следы, и Егоров быстро вычислил, что преступник – лейтенант Величко. Ничего не оставалось, как арестовать его и доставить в Москву. Майор передал Величко следователю... И спустя две недели узнал, что лейтенант отпущен. Следователь на вопрос сухо ответил, что «убедился в непричастности подозреваемого», а когда Егоров попытался разобраться, ему позвонил человек из Главного управления и вежливо, но строго посоветовал не вмешиваться в дела, которые майора не касаются.

... Дорогу впереди перекрыла глубокая яма, и Егерь свернул. То и дело выворачивая руль, пересек пустырь, где в лощинах между горами мусора и битого кирпича еще лежал снег, и оказался на другой дороге, выглядевшей ненамного лучше предыдущей.

Снова пикинул мобильник.

– Ложный след, – сообщил синтетический голос. – Задержали пару изуверченных хулиганов, но это не наши клиенты.

– Ясно, – буркнул Егерь. Догадаться, что касовцы взяли двух гопников, было нетрудно.

– Вероятно, одержимые уже покинули территорию завода, – продолжал собеседник. – На МКАДе плотный контроль, там им не просочиться. Они постараются уйти от этого места подальше, но пешком по холоду... Вероятно, захотят поймать машину. Пока что одержимые где-то рядом, постарайся перехватить их. Возможно, в дальнейшем буду присылать эсэмэску.

Когда собеседник отключился, Егерь остановил «Форд», прикинул направление и стал разворачиваться. Если одержимые бегут от фабрики, то их можно засечь на шоссе или рядом.

Ему не нравилось, что им командуют вот так напрямую. Лучший охотник Пси-Фронта привык получать лишь развединформацию и действовать самостоятельно, а сейчас синтетический голос не просто передавал данные, но и говорил, что следует сделать. Звонки с приказами и советами сбивали с привычного алгоритма действия, раздражали. Однако пока что выбора не было, и Егерь поехал обратно к Варшавскому шоссе.

... Много лет назад, поняв, что столкнулся с большой и опасной тайной, майор Егоров не испугался, просто стал крайне осторожным. В течение нескольких лет он аккуратно выискивал информацию и постепенно понял, что внутри КГБ существует особый... отдел? служба? подразделение? Нет, скорее это был некий отросток, часть чего-то, какой-то иной – но не капиталистической, не враждебной СССР – организации, цели и задачи которой оставались для Егорова непонятными. Убийца лейтенант Величко из Управления разведки исчез, но однажды Егоров, к тому времени уже подполковник, столкнулся с ним у входа в здание КГБ. Он так и не понял, ждал его Величко или случайно проходил мимо. Лейтенант хлопнул Егорова по плечу, сказал: «Все копаешь, разведчик? То, что ты пока узнал, мы тебе позволили узнать, но на этом

закончим. Когда-нибудь позже расскажу остальное», – после чего Величко быстро ушел, не обратив внимания на оклик Егорова.

В течение двух лет после этого он не видел Юрия Величко. А тот сказал правду – больше про таинственную организацию подполковник ничего выяснить не смог.

Потом СССР развалился. Исчезло не просто великое государство – умерла сама концепция равноправного, справедливого, лишённого эксплуатации общества. Не стало КГБ, страна катилась под откос. Это был крах и Системы, и жизни Захария Петровича Егорова. Идея, ради которой он жил, которой посвятил долгие годы работы, из-за которой так и не завел семью, считая, что великая цель важнее, растаяла, как кубик масла на раскаленной сковородке.

Однажды вечером, вскоре после увольнения, небритый, помятый, никому не нужный, он сидел на кухне своей квартиры и допивал бутылку водки. Подполковник Егоров был близок к тому, чтобы покончить с собой. Но прежде он хотел напиться, а водка никак не брала. Он опрокидывал в себя уже четвертую полную до краев стопку, когда раздался звонок в дверь.

На пороге стоял Юрий Величко в туристическом костюме, кроссовках, со спортивной сумкой на плече. Егоров впустил его. Величко сказал, что есть серьезный разговор, от водки пока отказался, и они сели в гостиной, где лейтенант (как вскоре выяснилось – бывший) достал из сумки несколько папок.

Без обиняков гость сообщил, что в Сибири убил старика потому, что тот был одержимым. А потом начал рассказывать. И показывать фотографии. Газетные вырезки, документы, многие из которых были помечены грифом «совершенно секретно», карты и спутниковые снимки, диаграммы и заключения медэкспертов...

Он поведал Егорову про паранормальные места – те, которые в разное время посещали инопланетяне. Про одержимых, чьи сознания захвачены, подчинены альенами, хотя такие люди чаще всего даже не осознают этого. Ведь что такое человеческое сознание? Его можно сравнить со сложной операционной системой, состоящей из множества программ, утилит и драйверов: инстинктов, врожденных и приобретенных способностей, наклонностей, предрасположенностей... Альен внедряется в человеческий мозг подобно вирусу, тайно подсаженному в операционную систему компьютера, и так же, как вирус, он меняет некоторые ее функции и свойства. Очень часто это приводит к уникальным способностям одержимых, как у того старика, который случайно забрел в аномальный таежный район и приобрел дар дистанционно нагревать жидкости, то есть ускорять хаотическое движение молекул в них. Это он позже и проделал со своими односельчанами, просто вскипятив кровь в их телах...

Захарий слушал с изумлением, потом – только с легким удивлением и недоверием, а потом... Потом он поверил. Произошло это уже под утро, за второй бутылкой водки, когда перед его глазами прошли все документы, вырезки, фотографии, карты, справки и диаграммы из папок Величко. Они были убедительны, но главной причиной стало другое: Захарий Петрович Егоров остро нуждался в новой цели, которая придавала бы его жизни смысл.

Теперь цель появилась: спасти человечество от альенов. Этим и занимался Пси-Фронт, членом которого был Юрий Величко. Бывший лейтенант предложил отставному подполковнику работать в паре.

Так Егоров стал уфологом. Над этой братией часто смеются, он и сам недолюбливал большинство из них. Романтики, наивные мечтатели, они надеются на какой-то контакт, сотрудничество с альенами, в простоте своей полагая, что те – вроде ангелов, которые спустятся с небес и одарят человечество всякими благами. Лишь очень немногие понимают, что инопланетян можно уподобить скорее демонам, исчадиям зла, что ничего хорошего от чужого разума, развивающегося в других мирах, землянам ждать не приходится.

Вместе с соратниками Егерь отслеживал по всему миру странные события и странные места. За такими районами велось наблюдение, сотрудники Пси-Фронта мониторили Интернет, обменивались новостями. Некоторые из них работали в солидных организациях, в богатых

корпорациях, в ООН, ЮНЕСКО, Гринписе, в спецслужбах, имели доступ к информации, которая не попадала в газеты и на телевидение. Полученные сведения проверялись, на их основе вычислялись одержимые, после чего начиналась охота.

Через несколько лет, набравшись опыта, Егерь стал работать один, а бывший напарник перешел на службу в штаб Пси-Фронта. Где он находится, кто там командует, есть ли у Пси-Фронта единоличный лидер – всего этого Егерь не знал. Он хорошо осознал: враг силен, поэтому конспирация крайне важна. И он был слишком благодарен Пси-Фронту, чтобы усомниться в его целях и методах. В конце концов, организация вернула смысл его жизни...

Оставив другим аналитику и сбор разведданных, Егерь довольствовался ролью полевого работника, охотника-убийцы, и в деле этом достиг наивысшей квалификации. По телефону он регулярно общался с бывшим напарником, получая от него указания. Величко (известный в Пси-Фронте под псевдонимом Великий) на территории СНГ координировал несколько оперативных групп и одиночных охотников. Потом Великого во время сложной акции, где он вынужден был присутствовать, убили одержимые, и Егерь стал получать задания от других сотрудников Пси-Фронта.

Совесть не тревожила его никогда, как и сомнения в своих действиях. Невзирая на все убийства, которые Егерю довелось совершить, он знал, что невиновен.

Под колесами «Форда» трескали камни и куски старого асфальта. Подавшись вперед, охотник сощурился – по обочине, спиной к машине, быстро шли двое. Парень и девушка.

Это они. Егерь поправил шапочку и начал вдавливать педаль газа, постепенно увеличивая скорость. Повезло, успел...

* * *

Когда Маг выглянул из цеховых ворот, рядом никого не было, хотя где-то поблизости раздавался топот и крики, а по кирпичной стене перед ним ползали световые пятна от фонариков. Рядом заорали:

– Стой! Стоять, сука, пристрелю!

В ответ невнятно загнусавили, потом донесся звук удара и кто-то вскрикнул.

Кивнув Яне, Стас бросился в другую сторону. Они нашли дыру в заборе, пролезли через нее и побежали дальше.

– Шут – это Мишка! – вдруг сообщила Яна, будто все время только об этом и думала. – Только он мог так пошутить!

Остановившись, чтобы перевести дух, она одернула юбку и обхватила себя за плечи.

– «Мини» при такой погоде!

– Тебе идет, – попытался успокоить ее Стас. – И про теплые колготки он все же не забыл. Отдать тебе мою куртку?

– Мне все идет! – отрезала она, снова шагая вперед. – Но оно слишком короткое, да и вообще, я бриджи предпочитаю. Слушай, ты все вспомнил?

Они спешили вперед, часто оглядываясь. Фабрика осталась за пустырем с рощицей, цеха скрылись за деревьями. Было холодно, облачка пара вырвались изо рта.

– Мы были в плену у какой-то организации, – медленно произнес он, хмуря брови. – Нас исследовали. Помню серые коридоры, одинаковые комнаты...

Сейчас перебьет меня.

– ...И одинаковые дни, – перебила девушка. – А помнишь эту... дрожь?

– Что? – удивился Стас.

– Такая мелкая вибрация, которая пробивалась откуда-то снизу. Только дрожали не пол со стенами, а... – Яна хлопнула себя по темени. – Дрожало в моей голове. Очень неприятно. Иногда сильно, иногда совсем слабо. Волны шли снизу, ну, с этажей ниже того, где находились

мы. Там был источник этой дрожи. Но зачем нас исследовали? Хорошо, мы – аномалы, но что это значит?

– Паша сказал, что я интуит. Я... – Он помолчал, соображая, как объяснить. – Когда я вырубился, мне привиделся их тренажер. Надо было двигаться по коридору, а на пути возникали всякие ловушки. Люк раскрывался под ногами, или что-то высовывалось из стены. Если ловушки были механические, я попадался в них. Но если участвовал человек – успевал увернуться или присесть.

– Что это значит? – удивилась она. – Ничего не поняла.

– Как бы объяснить... Ну, вот только что я знал, что ты...

Где остальные?

– ...А сейчас ты заговоришь про других! – выпалил он.

И тут же она спросила:

– И что с другими?

И захлопала глазами, растерянно глядя на Стаса. Он кивнул:

– Вот про это я и говорю. Иногда будто накатывает что-то – и я понимаю, что ты сейчас скажешь. Или сделаешь. Идем в сторону шоссе, нам нужно убраться отсюда как можно дальше.

Девушка выглядела растерянной, и Стас, оглянув большую лужу, затянутую ледяной корочкой, стал пояснять:

– Я могу предвидеть, что собираются сделать или сказать люди, то есть их намерения. Кажется, так. Не всегда и не очень четко, но могу – это мой дар. А другие, которые были вместе с нами... Сейчас у меня вроде получилось вспомнить их. Но все мы, кто был в том походе, изменились. С нами что-то произошло. Это... это было как взрыв, как попасть в центр атомного гриба. Какое-то кипение, бурление... – Он потер лоб. – В голове начинается такая мусть, когда пытаюсь вспомнить! А у тебя?

– Помню только свет, – сказала Яна. – Белый свет и тени. От них становится страшно, так мучительно, как во сне, когда кошмар и не можешь проснуться, поэтому я сразу перестаю вспоминать.

– Что-то произошло со всеми нами, – повторил Стас, поправляя ремень сумки на плече. – Теперь давай к тем деревьям, видишь, которые возле оврага. Так вот, после того события на косе нас исследовали, ставили эксперименты. Потом кто-то из наших сбежал. Не знаю, кто. А теперь сбежали мы. Ты помнишь остальных? Мишка, Артур, Борис, Ксюха, Алена. Нас ведь было семеро, правильно? Мы вместе учились в интернате. Мишка...

– Он такой толстый и шумный, – подхватила она. – После интерната жил в Белоруссии, занялся каким-то бизнесом, только, по-моему, пока не слишком удачно. Так? Про его мать ничего не помню, а отец давно сидит в этой...

– В ИТК. По-моему, Мишка как-то говорил, что его обучение в интернате оплачивали папашины кореша.

– Правильно! Теперь Алена: она после специнтерната устроилась преподавателем литературы, увлекалась поэзией, сама писала стихи и даже несколько раз публиковалась в поэтических антологиях.

– Ну да, а Артур программист в «Гугле».

– Ага! Он умный. И красавчик, – улыбнулась она. – Только не в моем вкусе, слишком изящный. Боря – тот молчал всегда. У Артура светлые волосы до плеч, а Боря брюнет, стрижется коротко. Я верно говорю? Он работает... он...

– Охранник в супермаркете, кажется. Алена – поэт. Или поэтесса, как правильно? А Ксюха – тренер по карате в спортивном клубе.

– Так что будем делать, Маг?.. То есть Капитан. Ты ведь Капитан? – Яна первая перебежала по шатающейся бетонной плите, которая была перекинута через овраг. – Надо же что-то решить. Поедем в то место, о котором было сказано в записке?

– В Киев? Но мы под Москвой!

– Но Амазонка будет ждать там. Амазонка – это, наверное, Ксюха. Значит, надо доехать до того поселка, что у границы...

– Новая Гута, – подсказал Стас. – Я там был, когда ездил в Украину. Гута в Белоруссии – туда заезжаешь спокойно, а вот чтобы оттуда попасть в Украину, надо пройти через таможенную. Или... ну, как-то в обход, нелегально. Значит, нам надо на Киевскую трассу, поймать машину. Я раньше ездил автостопом. Точно не помню, но, кажется, много раз ездил. И вообще, часто имел дело с машинами. Короче говоря, нужна попутка, проехать какое-то расстояние на север, потом выйти – и на юг, к Киевской трассе.

Миновав рощу, они вышли к раздолбанной асфальтовой дороге, и Стас сказал:

– Она ведет обратно к Варшавскому шоссе, больше просто некуда. Идем вдоль нее, а если проедет машина, попробуем остановить. Сейчас главное двигаться от Москвы.

Они быстро зашагали вдоль дороги, и тут же Яна сказала, оглянувшись:

– Едет.

Сзади показались огоньки фар – аномалов догонял автомобиль, и Стас поднял руку.

* * *

Егерь стиснул руль и приготовился. «Форд» подпрыгивал на ухабах, но охотник не замечал этого, вглядываясь в парочку впереди. Они то появлялись в свете фар, то пропадали в серых сумерках. Парень на ходу поднял руку, голосуя. Ближе, ближе... Скрипнув тормозами, машина встала. Егерь распахнул дверцу, выскочил, обежав «Форд», вскинул обрез.

И только теперь, уже почти выстрелив, сообразил, что незнакомец совсем не похож на одержимого. Долговязый тощий детина в дурацкой черной фуражке, кожаных штанах и кожаной куртке с меховым воротником, усеянной железными бляхами. На ногах остроносые сапоги с цепочками. Лицо длинное, лошадиное, близко посаженные глаза... Не похож! Не тот!

Скрежетнув зубами, охотник врезал ему прикладом в живот. Завизжала девица, одетая в том же стиле, да еще и в черной бандане с изображением черепа. Парень согнулся в три погибели. Девица заголосила громче, и Егерь ткнул ее стволом в лоб. Выбивающиеся из-под банданы пряди были лиловыми. Косметика – адская, красно-черная, отчего круглая девичья рожица в ярком свете фар казалась уродливой донельзья.

От удара она плюхнулась на задницу, широко расставив ноги и упершись в землю руками. Протяжно всхлипнула, будто наполовину забитый слив раковины. Парень начал распрямляться, держась за живот.

– Вырядились! – зло бросил Егерь, сообразивший, что принял за одержимых парочку, идущую с той самой дискотеки. – Что ты на себя напялила? На кого похожа, коза драная?!

Он пятерней ткнул в лоб пытающуюся встать девчонку, и она снова уселась на землю. Парень вдруг бросился на Егеря, метя головой в живот, и охотник, быстро отступив в сторону, сделал ему подножку. Он не разбирался в молодежных субкультурах, кто это – панк, металлист, чертов хиппи? Раз обвешан железом, значит, металлист? Короче – рокер.

Парень упал так, что фуражка слетела с головы, а бледное лицо снова попало в свет фар, и теперь Егерь разглядел: у рокера тоже макияж! Черный. Это вызвало новый приступ раздражения. Он год за годом рискует жизнью, спасая... Кого? Вот *этих*?

– Педик! – Егерь ногой отбросил фуражку подальше, а потом этой же ногой врезал рокеру по впалой груди. – Фашист!

И замер – по дороге быстро двигалась машина. Когда она проехала мимо, охотник разглядел рядом с водителем молодого парня, а на заднем сиденье – девушку.

Позабыв про рокеров, Егерь бросился к «Форду». Запрыгнул в салон; сжимая дробовик левой рукой, рванул с места так, что двигатель взревел. Пришлось быстро крутить руль

то влево, то вправо, объезжая крупные ухабы, встречи с которыми старая подвеска могла не пережить.

Пиликнул мобильник, но он не стал отвечать. Машина была все ближе – иномарка с двумя выхлопными трубами и овальным задним окном. Здесь он может ее догнать, но на трассе... Камешки и комья земли барабанили по днищу. Положив дробовик на колени, Егерь опустил стекло в дверце. Цепочка огней впереди приближалась – до Варшавского шоссе осталось всего ничего. Там даже в это время суток часто ездят машины, там полиция... Он схватил дробовик, выставил в окно. Прицелился, насколько это было возможно сейчас.

При этом Егерь был вынужден отвести взгляд от дороги – и левое переднее колесо на что-то напоролось. Раздался громкий хлопок, левый борт подскочил, в сторону отлетела угловатая булыга. Егеря сильно качнуло, дробовик едва не вылетел из руки. «Форд» пошел юзом, пришлось убрать ногу с газа и, вцепившись в руль, выворачивать его влево... потом вправо... потом мягко притормаживать...

Наконец машина встала посреди дороги. А иномарка, укатившая далеко вперед, свернула на перекрестке – и пропала из виду.

Егерь повернул ключ зажигания, сунул дробовик в чехол, открыл дверцу и вышел. Все это – молча, сцепив зубы.

Скат лопнул, его зажевало, скомкав, наполовину стянуло с диска. Запаска есть, но на замену уйдет полчаса, не меньше...

Снова запиликал мобильник. Он достал трубку и, нажав клавишу, молча приложил к уху.

– Похоже, они окончательно ушли, – произнес синтетический голос.

– Только что проехали мимо. – Егерь пошел к багажнику. – Поймали машину, выехали по Варшавскому на юг.

– Сможешь догнать?

– Пробил колесо.

Помолчав, синтетический сказал:

– Учитывая обстоятельства, тебе необходимы помощники.

– Учитывая какие обстоятельства? – Егерь открыл багажник.

– Ты ранил оперативника. Теперь касовцы настороже, а преследовать одержимых вы будете параллельно. Назначь место, приедут эстонцы. Они уже вызваны.

– Не надо, – хмуро отрезал он. – Обойдусь.

– В чем дело, Егерь? Профессиональная гордость? Это глупо, мы делаем одно дело. Миссия – главное. Втроем будет легче.

– Гордость ни при чем. – Охотник раскрыл ящик, где лежал домкрат и прочие инструменты. – Если КАС начнет облаву через полицию, втроем мы будем заметнее. Тем более эстонцы... Нет, пока что остаюсь один.

Не дожидаясь ответа, он выключил телефон.

На замену колеса ушло двадцать пять минут. Вырулив на шоссе, Егерь повернул на юг, куда поехала иномарка с одержимыми. Поправив шапочку на голове – свой талисман, с которым он не расставался вот уже лет десять, – бросил взгляд на светящиеся зеленым цифры слева от руля.

Было три часа ночи. До Контакта, о приближении которого Захарий Павлович Егоров пока не знал, оставалось немногим более шести с половиной суток.

Глава 4

Погоня

6 суток до Контакта

Заметая следы, аномалы поменяли еще две попутки и вышли из последней до рассвета, а потом долго шли, пытаясь остановить новую машину. Когда уже давно рассвело, рядом остановился частник в облупленных «Жигулях». Унылый худой мужик лет пятидесяти с необычно бледными губами и темными кругами под глазами покосился на ноги Яны и равнодушно спросил:

– Куда?

Стас, выступив вперед, сказал:

– Вперед по трассе, куда сможете доехать.

– От Селятино я дальше по Киевской еду.

– И нам туда же. А куда вы вообще?

– В Калугу.

– Нет, до Калуги нам не надо. Перед поворотом высадите?

Мужик перевел взгляд с одного пешехода на другого, словно прикидывал, сколько запросить, но так и не назвал цену – махнул рукой и буркнул:

– Залазь.

– Меня спереди укачивает, – заявила Яна. – Давай я сзади.

Вообще-то, если человека укачивает в машине, то обычно как раз на заднем сиденье, но Стас понимал: она не хочет сидеть впереди, потому что там ее обтянутые черными колготками ноги будут торчать аж до «торпеды», и Унылый будет периодически на них коситься. К тому же Стас и сам не хотел ехать сзади – не любил, привык сидеть спереди.

Позади лежали мешки с какой-то рухлядью, пришлось их сдвинуть. Внутри звякало и хрустело, но хозяин машины не обращал на это ни малейшего внимания, будто ему все до лампочки. Освободив место для Яны, Стас передал ей сумку и уселся сам, и как только закрыл дверцу, машина поехала.

Водитель сразу взял приличную для такой тарантайки скорость – под сотню. Солнце давно взошло, стало теплее. За обочиной проносились деревья. Стас достал из кармана банку пива, которую нашел в сумке, открыл и сделал несколько глотков. Унылый покосился на него, но ничего не сказал.

– Скажите, пожалуйста, а далеко до поворота на Калугу? – спросила Яна, когда они миновали развязку на Селятино.

– Километров сто двадцать, – ответил водитель равнодушно.

– Это... часа полтора ехать?

– Может, и так.

– Понятно, спасибо.

После этого все надолго замолчали. Тяжелый нож, запакованный в кожаный чехольчик на пояском ремне, мешал нормально сидеть, и Стас, покосившись на Унылого, сунул руку под свитер с рубашкой. Осторожно, делая вид, что массирует поясницу, передвинул оружие ближе к копчику. Стало удобнее, и он попытался расслабиться. Распрямил, насколько позволяли габариты «Жигулей», ноги, положил руки на колени. Откинув голову, прикрыл глаза и попытался как-то собрать в порядок все, что узнал за это время. Соотнести свои, все еще обрывочные воспоминания с путанными объяснениями санитара Паши, текстом записки от Шута... Шут – это Мишка, тут Яна права. Какие еще псевдонимы называл санитар? Воин, Жрец, Амазонка... Жрец – может быть, Боря? Он похож, такой сосредоточенный, угрюмый, почему-то языческие

жрецы представлялись Стасу именно такими. А Воин? Неужели Артур? А может, это на самом деле Ксюха – просто «воительница» произносить дольше, неудобнее, и ее прозвали так? Но кто тогда Амазонка – Алена? А вот Яна, помнится, предположила, что так зовут именно Ксюху...

Сейчас заговорит.

– Разъездились они сегодня, – донеслось слева, и глаза Стаса распахнулись.

Этот его дар – невероятно, но он действительно работает! Никакой телепатии, как в фантастических фильмах или книгах, никакого прямого чтения мыслей, скорее... скорее *ощущение намерений*, вот как это можно назвать. Кажется, все получается тем лучше, чем ближе находится человек, плюс еще помогает, если Стас на него смотрит. И если он в спокойной обстановке, нет какой-то прямой угрозы. Сейчас Стас не глядел на Унылого, но тот был совсем рядом – и он ощутил намерение водителя заговорить, почувствовал буквально за секунду до того, как прозвучали слова.

Унылый притормозил, сдав к обочине. Мимо пронеслись три полицейские машины, у головной была включена мигалка. На повороте впереди одна машины свернула с шоссе, а две поехали дальше и вскоре пропали из вида.

Яна со Стасом напряженно молчали. Вскоре «Жигули» миновали одну из тех двух машин, которые не свернули – она стояла у обочины, наружу как раз выбирались полицейские. Унылый пробурчал:

– Успели мы... Чуток позже – они б нас тормознули. Интересно, что такое случилось, никогда раньше эти сволочи тут не стояли.

За окном был однообразный пейзаж – серые поля, деревья без листьев... Захотелось спать, и Стас, допив пиво, прикрыл глаза. В полудреме он снова и снова вслушивался в «ментальный фон» спутников. Он до сих пор не мог поверить в свой дар, хотелось то и дело убеждаться, что новый талант при нем, служит ему. От водителя веяло только унынием, а вот Яна сзади нервничала – это ощущалось как едва уловимая дрожь, словно легкая кипень ментальных вод, через которые плыл корабль его сознания.

А ведь в том месте, в бетонном нутре лабораторного центра, где их держали, Стас тоже чувствовал дрожь. Но тогда она была более неприятной, даже пугающей – словно темные волны, идущие откуда-то снизу... Ну да, про них говорила Яна в схроне, не он один их тогда ощущал. Что же это за исследовательский центр, куда все они попали после события в Карелии? Скольких работников Стас видел? Совсем немногих, но само сооружение было, кажется, довольно большим, техническое оснащение – сложным и наверняка дорогим. И уж, конечно, для обслуживания здания и техники требовалось гораздо больше народу, чем показывалось Стасу на глаза.

Получается, они с друзьями попали в руки какой-то серьезной организации. Санитар утверждал, что этот, как он говорил, «Комитет» – тайный филиал Церкви, но Стас не поверил ему тогда, не верил и сейчас. Слишком бредово звучит, скорее уж за ними охотится правительственная спецслужба.

Хотя Стас помнил то место смутно, но темные волны, часто шедшие откуда-то снизу, хорошо сохранились в памяти. И еще в сознании всплыло слово, пару раз случайно услышанное от работников Комитета: *Сущность*...

Стас проснулся потому, что машина начала притормаживать и он немного сполз с сиденья. Открыв глаза, увидел желтые приземистые здания у дороги, а еще – синюю вывеску: «ОБНИНСК. 10 км».

– Балабаново проезжаем? – сообразил он. – А почему тормо...

И замолчал. Впереди была полицейская будка со штангой на крыше, от которой к ближайшему столбу тянулись провода. У обочины стояли большой белый «мерс»-кубик и семейный «Рено». На глазах Стаса «Мерседес» начал отъезжать, открыв стоящего за ним полицей-

ского. Его коллега как раз общался с водителем «Рено», а этот, шагнув на дорогу, взмахнул полосатой палкой, приказывая остановиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.